

ПИСЬМА Ю. А. КУЛАКОВСКОГО к ФЕТУ (1887–1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Среди неслучайных для А. А. Фета знакомых и корреспондентов, с которыми на склоне лет его связывало дружеское личное и эпистолярное общение, следует назвать имя киевского филолога-классика, византиста, ученика Теодора Моммзена, археолога, переводчика, профессора, члена-корреспондента Петербургской Академии наук Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919), чьи имеющиеся письма к поэту, датированные 1887–1892 годами, существенно дополняют житейскую биографию Фета этих лет и воссоздают атмосферу его напряженного труда над переводом «Энеиды» Вергилия, элегий Проперция, эпиграмм Марциала, комедии Плавта «Горшок».

В своей титанической работе над античными переводами Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц, вклад каждого из них он усердно отмечал в предисловиях, посвящениях, письмах и впоследствии с благодарностью перечислил их имена в своих мемуарах — М. Г. Киндлера, А. А. Григорьева, Ф. Е. Корша, Н. Н. Страхова, Вл. С. Соловьева, Д. И. Нагуевского, А. В. Олсуфьева: «Разве возможно без глубокой признательности помянуть все эти имена?»¹ К этому перечню имен следует, вероятно, добавить и имя Кулаковского, одного из рецензентов античных переводов поэта. Можно предположить, что при встречах Кулаковский изустными советами помогал Фету в его переводах, однако сам Фет в перечне своих помощников ученого не упоминает, и это справедливо, так как едва ли можно говорить о значительном сотрудничестве Кулаковского на основании его писем к Фету, публикуемых ниже.

¹ *МВ.* Ч. 2. С. 393.

Тем не менее, по предположению Н. М. Мендельсона, публикатора писем Ф. Е. Корша к Фету, мысль перевести комедию Плавта «Горшок» была подсказана Фету Кулаковским: «Можно думать, что именно под влиянием бесед с Кулаковским явилась у Фета, еще в 1887 г., мысль перевести „Aulularia“ Плавта. В сентябре этого года Фет получает от Кулаковского какое-то французское издание комедии. Из письма от 3 мая 1888 г. видно, что киевский профессор помогал Фету в переводе, что работа в этом же году была закончена, хотя перевод вышел в свет лишь в 1891 г.»² На основании этого высказывания публикатора мысль об участии Кулаковского в переводе Плавта утвердилась в исследовательской литературе, создав очередную мифологему в биографии поэта.³ Действительно, в письме Кулаковского от 13 сентября 1887 года говорится о посланном поэту издании комедии Плавта, но и только. Ни из этого письма, ни из письма от 3 мая 1888 года, упоминаемого исследователем, никак не следует, что Кулаковский «подсказал» Фету перевести эту комедию, а тем более «помогал» ему: «Препровождаю Вам, — говорится в письме от 13 сентября 1887 года, — вместе с этим письмом текст комедии Плавта „Aulularia“ во французском школьном издании. Я бы мог послать лучшее — что до исправности текста — критическое издание Ричля, но оно, конечно, найдется в Москве» (см. письмо 1). Позже, 3 мая 1888 года, Кулаковский пишет: «Радуюсь очень, что „Aulularia“ уже существует в русском переводе. Надеюсь услышать ее в Вашем чтении, так как я непременно хочу побывать в Воробьевке» (см. письмо 7). К этому следует добавить, что на фетовский перевод комедии Плавта Кулаковский откликнулся восторженной рецензией, в которой никак не упомянул о своем участии в нем.⁴ Более того, если бы это сотрудничество имело место, вряд ли Кулаковский взялся бы писать рецензию, в том числе и на собственный труд. Так, в ситуации, когда не состоялось его участие в подготовке второй части «Энеиды», Кулаковский писал

² См.: Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36. Далее: *Письма Корша к Фету*. См. также: Тита Макция Плавта Горшок. *Aulularia*. Перевод А. Фета. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1891. Далее: *Плавт*, с указанием страницы.

³ См., например: *Фет // Полонский*. С. 651, 691 — коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной; *Фет Сб(1)*. С. 333, 367–368.

⁴ См.: *Кулаковский Ю.* Тита Макция Плавта. *Горшок (Aulularia)*, перевод А. А. Фета. Москва, 1891 // Русское обозрение. 1891. Т. 1. № 2. С. 917–928 (отд. «Критика и библиография»). Далее: *Кулаковский. Aulularia*, с указанием страницы.

Фету 7 декабря 1887 года о своем намерении дать отзыв: «Мне тем удобнее будет писать о Вашей „Энеиде“, что я стороннее здесь лицо» (см. письмо 4).

Таким образом, следует окончательно утвердиться в мысли, что Кулаковский лишь прислал Фету, возможно по его просьбе,⁵ не самый авторитетный латинский текст «остроумной» комедии Плавта, а по завершении Фетом работы над ним «обрадовался», что русский перевод уже существует, и намеревался услышать его в авторском чтении по приезду в Воробьевку в июне 1888 года. В начале июня 1888 года в Воробьевке Фет читает Кулаковскому начало своего перевода. Перевод «Горшка», — пишет Фет А. В. Олсуфьеву 7 июня 1888 года, видимо, сразу же после отъезда ученого, — «я прочел гостившему у меня киевскому профессору Кулаковскому». ⁶ Это чтение ученый позже припомнит в письме к Фету от 17 декабря 1890 года: «Ваш перевод знаком и памятен мне. Начало его читали Вы мне в Воробьевке, где мне было так хорошо приятно летом 88» (письмо 15). 2 октября 1888 года Кулаковский пишет Фету, что получил от него «всего Плавта», имея в виду, вероятно, литографированную рукопись перевода «Горшка», предназначенного для сцены (издание состоялось позже — в 1891 году). О получении, скорее всего, такой же рукописи перевода для Театрально-литературного комитета писал Фету 22 ноября 1888 года Д. В. Григорович.⁷ Других упоминаний о переводе комедии Плавта, а тем более свидетельствующих о профессиональных консультациях, в письмах Кулаковского не содержится, как отсутствуют в них и следы совместного творчества. Зная щепетильный характер Фета, неукоснительно отмечавшего в письмах, предисловиях, а позже в своих воспоминаниях всякую помощь, оказанную ему в работе над переводами, трудно представить, что именно вклад Кулаковского и в замысел перевести комедию Плавта, и в его осуществление упорно замалчивался поэтом. Говоря о подобном «соавторстве», Фет писал

⁵ Вероятное обращение Фета (письмо неизв.) именно к Кулаковскому — указать надежное издание комедии на латинском языке — было связано с тем, что ученый занимался Плавтом (см.: *Кулаковский Ю.* Краткий обзор архаизмов у Плавта в связи с влиянием их на критику текста. Вторая пробная лекция, читанная 19 октября 1881 года // *Киевские университетские известия.* 1882. Январь. С. 1–17; отд. отт.: Киев, 1882).

⁶ *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 404. Попутно отметим, что приведенная здесь датировка «7 июля» ошибочна.

⁷ См.: Переписка А. А. Фета с Д. В. Григоровичем (1888–1891) / Публ. А. Г. Гродецкой // *ФетСб(1).* С. 335; см. также: С. 332–334.

Ю. А. Кулаковский.
Фотография И. Левитского. Киев, 1880-е гг.

Олсуфьеву 2 сентября 1890 года: «...за поданную мне руку помощи я не ограничиваюсь благодарить келейно, но не желаю и рядиться в чужие павлиньи перья».⁸

Если бы на основании имеющихся писем ученого и можно было бы говорить об авторе, возможно «присоветованном» Кулаковским Фету для перевода, то это Проперций. Так, в письме от 7 декабря 1887 года Кулаковский спрашивает: «Скажите: Вы не пробовали переводить что-нибудь из Проперция, или же я этого только не знаю? У Проперция есть очень хорошие вещицы, хоть он весь целиком мало заслуживает признания» (см. письмо 4). Однако к декабрю 1887 года Фет уже почти год переводил Проперция (см. его письмо к Ф. Е. Коршу от 1 января 1887 года,

⁸ Письма к Олсуфьеву (51). С. 276.

где он просит указать источники с текстами),⁹ и, как позже написал сам Кулаковский, рассуждая о сомнительной «помощи» Фету филолога-классика Д. И. Нагуевского в работе над «Энеидой», «в своем Проперции г. Фет обошелся уже своими силами, без помощи этого призрачного авторитета, и хотя язык Проперция представляет весьма немало трудностей для понимания, но перевод этого автора вышел у г. Фета вообще довольно точен и удачен».¹⁰ Таким образом, вряд ли и в этом случае можно говорить об участии Кулаковского.¹¹ К тому же известно, что первым, кто посоветовал поэту перевести этого автора, был И. С. Тургенев. В ноябре 1860 года из Парижа он писал ему: «Попробуйте перечесть Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю <...>».¹²

Исходя из содержания имеющихся писем ученого, с уверенностью можно говорить лишь о том, что в конце октября — начале ноября 1887 года Фет, в связи с конфликтной ситуацией, возникшей между ним и его титульным соавтором Д. И. Нагуевским, повлекшей его самоустранение от продолжения работы над второй частью «Энеиды», предложил Кулаковскому (письмо неизв.) продолжить работу Нагуевского, однако, и об этом речь пойдет ниже, эта совместная работа не состоялась. На основании писем ученого бесспорен и тот факт, что в начале февраля 1889 года Фет предлагал Кулаковскому (письмо неизв.) сотрудничество в переводе эпиграмм Марциала, которое должно было заключаться, скорее всего, не только в профессиональных консультациях, но и в составлении примечаний. 15 февраля 1889 года ученый ответил: «...я с большой охотой и полной моей готовностью откликаюсь на Ваше предложенье, касательно Марциала. <...> Если бы у Вас было что готово раньше, то лучше бы тогда же прислать это мне. <...> я к Вашим услугам, хоть и немедленно. По отношению к примечаниям мой взгляд тот, что их нужно как можно меньше при переводе, который ведь читается не для поучения. <...> Разногласия о том, что нужно, у нас, вероятно, не будет» (см. письмо 11). «Что подделывает Ваш Марциал? —

⁹ См.: *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета (Исследования и материалы). М., 1993. С. 217. Далее: *Письма к Коршу*.

¹⁰ *Кулаковский Ю.* К юбилею А. А. Фета. Киев, 1889. С. 9. Эта статья воспроизводится нами в *Приложении II*. В действительности в работе над переводами элегий Проперция Фет пользовался консультациями А. В. Олсуфьева и Ф. Е. Корша.

¹¹ См.: *Элегии Секста Проперция*. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888 (впервые: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9).

¹² *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259; см. также коммент. на с. 594.

интересовался Кулаковский 25 сентября 1889 года. — Я с величайшей готовностью готов служить Вам, если только Вам угодно указать мне, чем и как могу я быть полезен. Обещаю заранее, что скоро буду отсылать, если Вы пришлете мне что-либо с указанием, что я должен сделать» (см. письмо 14). Кроме данного свидетельства нет никаких других сведений о том, что совместная работа с ученым над переводом Марциала имела место. Неизвестно, по какой причине, но и это сотрудничество не состоялось (возможно, Фета смущала отдаленность проживания Кулаковского от Москвы, его занятость преподавательской и научной деятельностью, нерегулярность ответов на письма поэта); хорошо известно только то, что «ученую помощь» Фету в «критической проверке» перевода «из стиха в стих» и при составлении комментариев к Марциалу оказывал гр. Олсуфьев, о чем Фет образно упомянул в своем предисловии к изданию: «Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала».¹³

Знакомство Фета с Кулаковским состоялось зимой 1884 года в доме Вл. С. Соловьева.¹⁴ Позже ученый дважды — в конце августа 1887 года (три дня; вероятно, с 23 по 26 августа) и в самом начале июня 1888 года (неделю) — гостил в Воробьевке, к теплым воспоминаниям о пребывании в которой — радушный прием хозяев, творческая атмосфера — неоднократно возвращался в своих письмах. 27 августа 1887 года Фет писал С. А. Толстой (супруге Л. Н. Толстого) о том, что накануне «в ночь Соловьев проводил на железную дорогу весьма милого профессора Киевского университета — Кулаковского».¹⁵ Упоминает об этом пребывании ученого и Соловьев, писавший Н. Н. Страхову 6 сентября 1887 года из Воробьевки: «...после отъезда Вашего, кроме незнакомого Вам киевского профессора Кулаковского, никаких новых лиц не видал, и у нас все по-старому».¹⁶ А из его письма к брату Дмитрию становится известно

¹³ М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. С. VIII. См. также: *МВ*. Ч. 2. С. 393.

¹⁴ По предположению научного биографа Кулаковского — и оно ошибочно, — с Фетом ученый «познакомился, вероятно, по случаю написания восторженной рецензии на фетовский перевод Плавтова „Горшка“» (*Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 2004. С. 76 (Сер.: «Византийская библиотека. Исследования»); 1-е изд. Киев, 2000). Далее: *Пучков*, с указанием страницы. Рецензия Кулаковского была опубликована в январе 1891 г., когда их знакомству было уже семь лет.

¹⁵ *Фет/Толстая*. С. 155.

¹⁶ Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. Т. 1. С. 38. Далее: *Соловьев. Письма*, с указанием номера тома и страницы.

об участии Кулаковского в редактировании соловьевской части перевода Вергилия; высылая Цертелеву на прочтение три переведенные им книги «Энеиды» (песни VII, IX, X) для дальнейшей публикации их в «Русском вестнике», Соловьев писал 4 сентября 1887 года из Воробьевки: «Хотя при окончательной редакции мы работали сообща с Афанасием Афанасиевичем и, разумеется, я ему обязан более, чем он мне, тем не менее эти три книги я могу считать своей долей перевода <...>. За верность перевода может поручиться специалист, профессор латинской словесности (Киевского университета), которому я читал эти книги и который остался чрезвычайно доволен переводом».¹⁷

О втором пребывании Кулаковского в Воробьевке в самом начале июня 1888 года сохранилось несколько воспоминаний. Так, сам ученый писал 13 июня 1888 года И. В. Помяловскому из Железноводска: «Добрался я сюда 11 числа, погостив по дороге несколько дней у Фета (Шеншина) близ Коренной Пустыни, куда заехал и Полонский, так что образовался даже collegium poetarum (союз поэтов — лат.), если я смею приложить к себе средневековый термин, каким в иных местах именовали себя филологи».¹⁸ А в его письме к Т. Д. Флоринскому от 16 июня 1888 года говорится: «К Фету заехал во время моего пребывания в Воробьевке Полонский, который возвращался в Петербург из Киева <...>. Так я был в обществе сразу двух поэтов».¹⁹ «...Я рад, что побывал у тебя <...>, — писал Полонский Фету 14 июня 1888 года. — Рад я, что узнал <...> и твоего гостя г. Кулаковского...»²⁰ Ученый намеревался побывать в Воробьевке и летом 1889 года, что, однако, не осуществилось (см. письма 12, 13). Известно, что, помимо двух пребываний в Воробьевке, Кулаковский посещал поэта и в доме на Плющихе. 8 января 1888 года Фет пишет: «...вчера обедал у нас <Н. Я.> Грот, занимавшийся все время корректурой тринадцатого тома Толстовских сочинений. <...> Речь об издании зашла по инициативе Кулаковского, искавшего в свою очередь добиться экземпляра».²¹ Не исключено, что и позже ученый бывал в доме на Плющихе. Так, Полонский спрашивает Фета 11 января 1890 года:

¹⁷ Соловьев. Письма. Т. 2. С. 253–254.

¹⁸ РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 55 об.

¹⁹ Цит. по: Пучков. С. 76.

²⁰ Фет/Полонский. С. 649, а также примеч. 2 к этому письму.

²¹ Письма к Коршу. С. 219. Речь идет о запрещенной цензурой книге «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. О жизни» (М., 1888), тираж которой был уничтожен (см.: Там же. С. 219, 220). На смерть Толстого Кулаковский откликнулся речью «Памяти Л. Н. Толстого», опубликованной в газете «Киевлянин» (1910. 17 ноября. № 318. С. 4; никаких сведений о Фете в статье не содержится).

«Был у тебя Кулаковский?»²² Однако активное общение Фета и Кулаковского было все-таки эпистолярным (местонахождение ответных писем Фета неизвестно)²³ и также пришлось на этот период (хронологические рамки: 13 сентября 1887 — 15 октября 1892).

Кулаковский как филолог-классик высоко оценивал античные переводы Фета, отдавая предпочтение особенно одам Горация, а также «Метаморфозам» Овидия, «Энеиде» Вергилия, «Aulularia» («Горшок») Плавта. В 1889 году в восторженной статье, посвященной юбилею литературной деятельности поэта, ученый высказал и ряд конкретных критических замечаний о его переводах. «...Быстро переходя от одного поэта к другому, — писал он, — переводя их произведения целиком, словно по какой-то необходимости, наш почтенный юбиляр лишил сам себя возможности удержать свои переводы латинских поэтов на той высоте, на какую он бы мог их поставить, как свидетельствуют о том оды Горация». И хотя не все переводы Фета Кулаковский находил адекватно отвечающими подлинникам, тем не менее «длинный список переводов римских поэтов, вышедших в свет, благодаря г. Фету, в уборе русского стиха в такой сравнительно краткий период времени, свидетельствует, что почтенный Афанасий Афанасиевич превратил свое отношение любителя античной поэзии в другое, что он сделал перевод римских поэтов своей специальностью» (см. *Приложение II*).

Следует привести основные факты биографии корреспондента. Родился Кулаковский в семье настоятеля церкви в городе Поневеж (ныне — Паневежис, Литва). Окончив курс в Лицее цесаревича Николая (Кат-

²² *Фет/Полонский. С. 787*. Полагая, что юбилей литературной деятельности Фета состоится в декабре 1888 г., Кулаковский намеревался присутствовать, но по какой-то причине не получил приглашения. См. письмо 10.

²³ Не исключено, что письма Фета к Кулаковскому могут находиться в личном фонде ученого (Ф. 264), хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Украины (Киев; далее — *ЦГИАУ*), который, как пишет А. А. Пучков, работавший с этим фондом, включает «даже в рамках описи фонда не поддающийся атрибуции массив писем разных лиц Кулаковскому», т. е. письма «неустановленных корреспондентов»; «почти в каждом описании единицы хранения присутствуют очевидные ошибки <...> как в инициалах корреспондентов Кулаковского, так и в их фамилиях» (*Пучков. С. 8, 288, 292*). При поиске следует иметь в виду, что в этот период Фет подписывал свои письма как Шеншин. В настоящее время киевский архив ученого нам недоступен. Библиотека Кулаковского, в которой, безусловно, должны быть книги с автографами Фета, подаренные им ученому, находится в Национальной библиотеке им. В. И. Вернадского. В фонде Кулаковского в ЦГИАУ могут находиться и письма Я. П. Полонского, с которым ученый состоял в переписке; в них также должно быть немало сведений о Фете.

ковский Лицей) с золотой медалью (1871–1873), поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В сентябре 1876 года был утвержден в степени кандидата по отделению классической филологии. Преподавал латинский язык в Лицее (1876–1878). В 1878 году был командирован за границу с ученой целью на два года (посещал семинары Теодора Моммзена²⁴ и Альфреда фон Гутшмида). По окончании командировки (ноябрь 1880 г.) был утвержден в звании приват-доцента Киевского университета св. Владимира по кафедре римской словесности. В начале 1883 года защитил в Москве диссертацию «Коллегии в древнем Риме», став магистром римской словесности, а с 1884 был утвержден экстраординарным профессором Киевского университета. В сентябре 1888 года в Петербурге защитил докторскую диссертацию «К вопросу о начале Рима» (Киев, 1888). Участвовал почти во всех археологических съездах, проходивших в 1884–1908 годах. Много занимался римской историей и эпиграфикой.²⁵ Долголетняя активная педагогическая деятельность снискала ему славу одного из лучших профессоров университета. Еще при жизни Кулаковский был удостоен сборника в свою честь, в котором приняли участие А. И. Соболевский, Б. В. Варнеке, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Зелинский и др.²⁶

В. А. Романовский, один из его студентов, обучавшийся в Киевском университете в 1909–1914 годах, вспоминал: «Довольно сильно представлена была греческая и римская литература. В особенности большим влиянием пользовался проф. римской словесности Юлиан Андреевич Кулаковский. Он был учеником петербургского профессора В. Г. Васильевского и в особенности берлинского профессора Т. Моммзена. Для филологов Ю. А. Кулаковский читал Лукреция Кара „О природе вещей“, для историков — Тацита, Тита Ливия и др. <...> Ю. А. Кулаковский отличался оригинальностью мыслей и, в частности, вызвал недовольство церковников тем, что стал отрицать преследование христиан римскими императорами. Реакционеры даже стали называть его Юлианом Отступником, сравнивая с римским императором Юлианом Апостатом».²⁷

²⁴ На смерть Моммзена Кулаковский откликнулся прочувствованным некрологом «Памяти Моммзена» (см.: *ЖМНП*. 1904. Ч. 351. № 1. Отд. 4. С. 39–61).

²⁵ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834–1884) / Сост. и изд. под ред. орд. проф. В. С. Иконникова. Киев, 1884. С. 347–350.

²⁶ См.: *Serta Vorysthenica*: Сборник в честь заслуженного профессора имп. Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911.

²⁷ *Романовский В. А.* К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время // *Alma Mater*: Університет св. Володимира наперододні та в добу

P 3147

Serta Borysthenica.

СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ

ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА

Императорскаго Университета св. Владиміра

Юліана Андреевича

КУЛАКОВСКАГО.

Сборник в честь Ю. А. Кулаковского (Киев, 1911). Обложка

В. Ф. Асмус, вспоминая о своих студенческих годах (1914–1920), писал: «Кулаковский был уже старик, но чрезвычайно бодрый, живой и энергичный. <...> Читал он энергично, стремительно, и каждая фраза говорила о большой учености, о безупречном владении предметом, о педагогическом мастерстве. Никакими записками, конспектами он не пользовался. Он предупредил нас, чтобы, готовясь к экзамену, мы не вздумали пользоваться Модестовым, и крайне нелестно отозвался о его курсе. <...> лекции были содержательны и интересны, а темперамент Кулаковского делал их живыми, порой драматичными. Мы в полной мере оценили эти качества Кулаковского, когда он дошел до Плавта и начал анализ содержания его комедий. В аудитории часто раздавался дружный хохот. Особенно запомнились пересказы комедий *Aulularia* (Горшок), *Menaechmi* (Два Менехма), *Miles gloriosus* (Хвастливый воин). Свои мастерские пересказы Кулаковский вел крайне серьезно, без тени улыбки — в то время как, слушая его, мы часто смеялись безудержно. <...> Кулаковский покорял ученостью, блеском эрудиции, громадной памятью. <...> Темперамент Кулаковского был темперамент политический. Это был профессор, не скрывавший своих „правых“ политических убеждений, его чтения были насыщены политической тенденцией. И герои самого историко-литературного процесса, и ученые корифеи — западные и отечественные — истории римской литературы изображались в его курсе как носители доблестных или вредных политических начал, ими олицетворявшихся. Такими были в изображении Кулаковского и Энний и Лукреций, и Цезарь и Цицерон, и Курциус и Моммзен».²⁸ По воспоминаниям известного впоследствии советского педагога П. П. Блонского, учившегося в 1902–1907 годах, Кулаковский «был еще более крайний черносотенец (в сравнении с деканом факультета профессором Т. Д. Флоринским), иступленно поющий „Боже, Царя храни“ во всяких „патриотических“ манифестациях».²⁹ Действительно, в начале века Кулаковский принимал активное участие в монархическом движении.

Української революції (1917–1920): Матеріали, документи, спогади / Авт.-упоряд. В. А. Короткий, В. І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. С. 287.

²⁸ Асмус В. Ф. Воспоминания // Воспоминания В. Ф. Асмуса / Сост. М. А. Абрамова, В. А. Жучков, Л. Н. Любинская. М., 2001. С. 212–213, 230. Речь идет об издании: *Модестов В. И.* Лекции по истории римской литературы. Читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание (Три курса в одном томе). СПб., 1888 (Киев, 1873. Курс 1; Киев, 1875. Курс 2).

²⁹ Блонский П. П. Мои воспоминания / Подг. Н. И. Блонской. М., 1971. С. 55.

О качестве научной, культурной и литературной среды, окружавшей ученого, говорят и его семейные связи. Кулаковский был младшим братом известного ученого-слависта и общественного деятеля Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), отцом Сергея Юлиановича Кулаковского (1892–1949), известного критика и литературоведа, приятеля Андрея Белого; сестра Кулаковского Екатерина Андреевна состояла в переписке с Вяч. Ивановым; в 1916 году на даче ученого в Красной поляне, доставшейся ему от старшего брата, гостили Вяч. Иванов³⁰ с женой и В. Ф. Эрн. Кулаковский тесно общался и состоял в переписке с Ф. Е. Коршем, Т. Д. Флоринским, И. В. Помяловским, А. И. Соболевским, Г. Э. Зенгером, В. В. Латышевым, Ф. Ф. Зелинским, Б. В. Варнеке, Э. Л. Радловым. Умер ученый через три дня после захвата Киева большевиками. Место его захоронения неизвестно, предположительно Байково кладбище в Киеве.³¹ Обширная библиография Кулаковского насчитывает сотни единиц, среди которых не только фундаментальные труды по классической филологии, византологии, эпиграфике, снискавшие ему

³⁰ Рецензию на некролог Т. Моммзена, написанный Кулаковским, см.: *Иванов Вяч. О Моммзене. Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев. 1904 // Весы. 1904. № 11. С. 46–48.*

³¹ Подробнее о Кулаковском см. также: *Варнеке Б. В. Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора имп. Киевского университета св. Владимира (1876–1906) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете (Протоколы за 1906 г.). Казань, 1907. Т. 23. С. 1–16; Соболевский А. И. Ю. А. Кулаковский (1855–1919). <Некролог>. Пг., 1919 // Известия Российской Академии наук. Сер. 6. Т. 13. № 12–18. Сентябрь — декабрь. С. 567–568; Латышев В. В. Ю. А. Кулаковский (1855–1919). <Некролог> // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 10–11; Грушевой А. Г. Ю. А. Кулаковский и его «История Византии» // Кулаковский Ю. А. История Византии: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1996. Т. 1. С. 435–445; Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историкографические очерки. СПб., 1999. С. 248, 299–306, 310, 354, 355, 366; Первалов С. М. Ю. А. Кулаковский и его труды по истории аланов // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступит. ст., коммент. С. М. Первалова. СПб., 2000. С. 5–42; Пучков А. А. 1) Юлиан Кулаковский и его исследование тектоники античного мировоззрения // Кулаковский Ю. А. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избранные работы / Изд. подг. А. А. Пучков. СПб., 2002. С. 5–44; 2) Юлиан Кулаковский: профессор и лекции // Кулаковский Ю. А. История римской литературы от начала Республики до начала Империи в концептивном изложении / Изд. подг. А. А. Пучков. Киев, 2005. С. V–LXVI; Матвеева Л. В. Юлиан Кулаковский. Киев, 2002; Смолин М. Б. Кулаковский Ю. А. // Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. С. 249–252; Непомнящий А. А. Доктор римской словесности: Юлиан Кулаковский // Непомнящий А. А. Подвижники кривоверия. Симферополь, 2006. С. 205–236.*

мировую известность, но и его пробные лекции, заметки по разным специальным вопросам, рецензии, некрологи, критические статьи, к примеру о М. Н. Каткове (рукопись), Л. Н. Толстом, А. Н. Майкове, М. Н. Муравьеве и др.³²

Чтобы понять, что могло привлечь Фета в Кулаковском как в собеседнике и корреспонденте, помимо его профессиональных знаний, эрудиции, желания помочь консультациями по римским авторам, следует иметь в виду и то, что ученый поддерживал дружеские и научные отношения с людьми, так или иначе знакомыми Фету (Ф. Е. Корш, А. В. Олсуфьев, Н. Я. Грот, Я. П. Полонский, М. И. Хитров, Д. П. Боткин, Д. Н. Цертелев, Ф. Н. Берг, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Д. И. Нагуевский, И. В. Помяловский). С лицейской и университетской скамьи Кулаковский был хорошо знаком с племянником поэта Петей Борисовым, с Вл. Соловьевым, с М. Н. Катковым, в изданиях которого активно сотрудничал. Для Фета, вероятно, было существенно и то, что ученый был убежденным сторонником классического образования, патриотом и монархистом. В письмах к Фету Кулаковский, не вдаваясь в детальное обсуждение, несколько раз высказывает свое несогласие с прокатолической философско-догматической позицией Вл. Соловьева, занятой им с середины 1880-х годов, и с его взглядами на православие и предназначение русского народа, высказанными им в ходе затяжной полемики с Н. Н. Страховым (1889–1890) по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Известна нейтральная позиция Фета в этом противостоянии, условно говоря, славянофилов (к которым, безусловно, относил себя ученый) и западников. Проясняет взгляды Кулаковского одно из характерных его высказываний в Предисловии к самому авторитетному своему труду «История Византии». Тема, поднятая здесь, отчасти была близка Фету и, возможно, обсуждалась при личных встре-

³² Наиболее известные сочинения Кулаковского (помимо упоминавшихся): Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев, 1899; Аммиан Марцеллин. История. Перевод с лат. Киев, 1908. Вып. 3; Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев, 1914 (1-е изд. Киев, 1906) и др. Фундаментальное трехтомное сочинение «История Византии», оставшееся незавершенным (Киев, 1910–1915; переизд.: СПб., 1996), снискало ему особую славу выдающегося византолога, а само сочинение не утратило научной ценности по сей день. Мелкие разыскания и рецензии публиковались в киевских «Университетских известиях» (с 1881 г.) и в «Журнале Министерства народного просвещения». Исчерпывающую библиографию см. в работах А. А. Пучкова: 1) Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919): Библиографический указатель (К 80-летию со дня смерти). Киев, 1999; 2) Юлиан Кулаковский и его время. С. 384–403.

чах в Воробьевке не только с ним, но и с гостившим здесь же Вл. Соловьевым: «Наше русское прошлое, — говорится в Предисловии (1910), — связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание. Теперь, когда, ввиду совершившегося перелома в нашем политическом строе, наше народное самосознание особенно нуждается в просветлении своих основ, принесена неведомо зачем тяжелая жертва в ущерб народного дела. <...> Устранение греческого языка из программы среднеобразовательной школы является добровольным принижением нашего просвещения <...>. Ущерб, причиненный делу просвещения, ставит печальную перспективу для нашего будущего. Хотелось бы надеяться, что рост русского самосознания и просвещения <...> вызовут в русском обществе сознание потребности восстановить на нашей родине <...> первенство греческого гения в системе высшего образования <...> а не нивелировку и опрощение». И далее Кулаковский подчеркивает, что русское государство «сплотилось» на «основе православия, воспринятого из Византии, и тот крутой поворот в нашей истории, который осуществил Петр Великий, подчинив Русь непосредственному воздействию западной культуры, не коснулся основы нашего национального самоопределения и русского самосознания».³³

В процессе работы над переводом «Энеиды» Вергилия, в которой, как известно, Фету помогали казанский филолог-классик Д. И. Нагуевский и Вл. Соловьев казалось бы безоблачное и продуктивное сотрудничество с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который оказались вовлечены, помимо участников готовящегося издания, также А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш и, наконец, Кулаковский. Причина конфликта, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, заключалась в том, что Нагуевский предложил Фету обозначить себя на титуле как редактора фетовского перевода, выставив это в качестве условия продолжения работы над второй частью «Энеиды». Это вызвало, по выражению Нагуевского, «ярость» Соловьева, считавшего только себя причастным к редактированию перевода. Соловьева поддержал и гр. Олсуфьев. Недоразумение удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и Нагуевский вернулся к работе над второй частью.³⁴ Однако во время

³³ Кулаковский Ю. А. История Византии: В 3 т. Киев, 1910. Т. 1. С. VII, 15.

³⁴ См.: Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. М., 1888. Часть первая. I–VI. Часть вторая. VII–XII. Далее: *Энеида*, с указанием

самоотстранения Нагуевского (конец октября — начало ноября 1887 года) Фет написал Кулаковскому письмо (неизв.), предлагая ему заменить казанского ученого. В ответном письме от 11 ноября 1887 года Кулаковский дал согласие на сотрудничество (см. письмо 2). Несмотря на то, что сотрудничество Фета с Кулаковским не состоялось, вне всяких сомнений, именно он опубликовал анонимную положительную рецензию в «Русском вестнике» по выходе первой части перевода из печати, так как эпизодически сотрудничал в журнале, помещая здесь статьи на античные темы.³⁵ Прямое подтверждение принадлежности статьи Кулаковскому содержится в его письме к Фету от 11 февраля 1888 года: «Вы, вероятно, уже получили теперь „Рус<ский> вест<ник>“ за январь и видели мою заметку» (письмо 5). В краткой рецензии Кулаковский «с удовольствием» приветствовал «этот новый труд нашего заслуженного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой точностью». «Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, — отмечал он, — где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала».³⁶ По мнению рецензента, «г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда, <...> что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором <...>».³⁷ О Нагуевском в статье говорилось: «...нас удивило несколько то, что, сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Kappes'a* <...>. Иногда на помощь приходило <...> издание Ладевига. Примечания в этих изданиях хорошие и пользоваться ими, конечно, непредосудительно; но к чему же тогда давать такой тон своему званию специалиста, какой считал нужным принять г. Нагуевский <...> Свое пристрастие к *переводам* г. Нагуевский доводит так далеко, что даже содержания отде-

части и страницы. Подробнее о конфликте см.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 373–378, 413–415.

³⁵ См., к примеру: *Кулаковский Ю. А.*: 1) Монте-Кассино // *РВ*. 1887. Т. 191. № 9. С. 152–170; 2) Из Рима // *РВ*. 1887. Т. 193. № 12. С. 161–196; 3) Археология в Риме // *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 181–216 и др.

³⁶ <*Кулаковский Ю. А.*> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета... Часть первая. I–VI. — Москва. 1888... // *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–290 (отд. «Новости литературы»). Далее: *Кулаковский. Энеида*, с указанием страницы.

³⁷ Там же. С. 291–292.

льных книг „Энеиды“, которыми он снабдил перевод г. Фета, заимствованы дословно из примечаний Каппеса. <...> Не беремся угадывать, насколько „Энеида“ в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью „проверке текста“, произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе. <...> Но каково бы там ни было участие г. Нагуевского в переводе, важно то, что теперь мы на русском языке имеем бессмертное творение Вергилия <...>». ³⁸ Здесь же Кулаковский сообщил, что в его планы входит написать статью о переводе по выходе второй заключительной части: «Мы надеемся вернуться на страницах „Русского вестника“ и к Вергилию, и к переводу А. А. Фета <...>». ³⁹ Однако более обстоятельной статьи об «Энеиде» ученый так и не написал.

Полемический характер рецензии Кулаковского в отношении Нагуевского, по всей видимости, был вызван, отчасти тем, что он рассчитывал на роль помощника Фета, когда Нагуевский устранился от участия во второй книге «Энеиды», что, впрочем, не снимает с Нагуевского высказанных рецензентом профессиональных обвинений. Позже, в другой своей статье, приуроченной к литературному юбилею Фета, Кулаковский вновь возвращается к не вполне уместной случаю теме — эпизоду неудачного соавторства Фета с Нагуевским, аттестуя его «наивным компилятором чужой учености, который не останавливается и пред плагиатом» (см. *Приложение II*). Нелестно о научном качестве трудов Нагуевского Кулаковский отзывался не только публично, но и в частной переписке. Так, в письме к И. В. Помяловскому от 16 января 1889 года ученый писал: «Кстати, какие ужасы есть в комментарии Нагуевского на Ювенала, и какая не знающая пределов наглость невежества там засвидетельствована». ⁴⁰ Необходимо добавить, что сам Фет, в отличие

³⁸ Там же. С. 292–293.

³⁹ Там же. С. 292. Отдельные языковые обороты в подписанной статье Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» текстуально совпадают с анонимной рецензией в «Русском вестнике», что дает дополнительные и веские основания к несомненной атрибуции ее Кулаковскому. См. также: *Фет/Нагуевский*. С. 377.

⁴⁰ *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 79 об. Речь идет, вероятно, об одном из недавних изданий Нагуевского, среди которых были: 1) Третья сатира Ювенала. 2-е изд., значительно дополненное и исправленное. Казань, 1887; 2) О Жизнеописании Ювенала. 2-е изд., доп. Казань, 1887; 3) О рукописях, схолиях и изданиях Ювенала. СПб., 1888; 4) *Juvenalis saturae. Cum lectionum varietate commentarius promœmius et indice uberrimo edidit Darius Naguiewski*. Kasani, 1888. Vol. 1. 229 с. Скорее всего, речь идет о последнем издании, получившем отрицательную рецензию (б. п.; Кулаковский?) в: *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. 3. С. 62–66 (с перечислением многочисленных ошибок).

от Соловьева или Кулаковского, отнесся к тщеславным претензиям Нагуевского весьма терпимо. «...Я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным, — писал он казанскому ученому 1 февраля 1889 года в ответ на поздравление с литературным юбилеем, — за любезное сотрудничество Ваше <...> и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки».⁴¹

В октябре 1888 года Кулаковский вновь намеревается написать статью о переводах Фета и опубликовать ее в «Русском вестнике», о чем сообщал не только Фету (см. письмо 5), но и Помяловскому в не опубликованном ранее письме от 4 декабря 1888 года из Киева: «Хотел я еще в октябре написать для „Рус<ского> вест<ника>“ статью о переводах Фета. В декабре он предполагал праздновать свой 50-летний юбилей (т. е. 50-летний юбилей литературной деятельности. — С. И.). Это и было побуждением для меня отозваться <...> теперь я уже опоздал к юбилею, да и ничего не слышал о том, будет ли это празднование. Считаю все-таки нужным отозваться, хотя бы и не раньше февральской книжки. Так как старик все жалуется на то, что его-де замалчивают. Фет так искренно любит свое дело и много работал. Жаль, что результаты не вполне удачны. Его Катулла ведь нельзя вовсе признавать даже существующим, для его же славы. Он, сам поэт-лирик, так исказил прелестного Катулла — и придумал себе (в предисловии) такое смешное оправдание. То, что я менее доволен его переводами, чем бы того хотелось, мешает мне и писать о них».⁴² «Статьи о Фете я так-таки и не на-

⁴¹ *Фет/Нагуевский*. С. 445.

⁴² *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 77–77 об. В Предисловии к Катулле Фет писал: «...мы поставим этого римско-русского поэта, как двуликую герму в преддверие нашей словесности». И далее: «...нас нимало не смущают упреки в шероховатости, например, нашего перевода Ювенала. <...> не смущает нас и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета <...>. Вообще чем самобытнее и народнее поэт, тем менее поддается он художественному переводу» (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. С. VII, VIII–IX). Позже в статье, посвященной юбилею Фета, Кулаковский повторит эту мысль: «Его утверждение в „Предисловии“ к Катулле, что он хлопотал, прежде всего, о точности и не желал делать переложения, не допускал „вольного перевода“, его шутки насчет „двуликой Гермы“, которую представляю Катулл латинский и Катулл русский, несколько не улучшают дела» (см. *Приложение II*).

Попутно отметим, что Нагуевский составил обширную рецензию на это издание, которая по каким-то причинам не была опубликована. Подробнее об этом

шел энергии дописать, — продолжил он в письме к Помяловскому от 16 января 1889 года. — Взятые в целом его переводы не такая вещь, чтобы его хвалить. Он спешит со старческим упрямством и, давая себе слишком много все нового труда, принизил уровень своей требовательности к этой задаче.

Я совершенно согласен с Вами, что Гораций лучшее в этой серии. Так я это, было, и изложил, но тогда выходит, что оценка его деятельности есть поучение старику, с которым к тому же я знаком, что и делает для меня труднее писать о нем. Так я и приостановился». ⁴³

Вскоре статья «К юбилею А. А. Фета» была написана Кулаковским и опубликована, но не в «Русском вестнике», как предполагалось, а в провинциальной киевской литературной и политической газете «Киевлянин»: «К юбилею Фета, — писал автор Помяловскому 31 января 1889 года — я отозвался статьей в „Киевлянине“; когда получу оттиски, вышлю Вам экземпляр. Вышло несколько сухо для юбилейного дня, но иначе не писалось». ⁴⁴ В настоящее время статья эта, не утратившая своего научного значения, мало известна специалистам, ⁴⁵ поэтому представляется уместным републиковать это сочинение Кулаковского, которое по своему жанру и содержанию далеко выходит за рамки юбилейных славословий и является беспристрастным, тонким и глубоким исследованием римской части переводческого творчества Фета, написанным дотошным специалистом, другом и критическим почитателем.

Позже, через два года, Кулаковский откорректирует многие положения своей юбилейной статьи в восторженной рецензии на «прекрасный» фетовский перевод Плавта, признав, что подчас «неправильные» с научной точки зрения переводы поэта гораздо талантливее переводов профессиональных классиков, и процитирует в заключение строчки из «De arte poetica» Горация, «обращая эти слова» к «нашему маститому поэту»: «Graius ingenium, Graius dedit ore rotundo / Musa loqui...» ⁴⁶ («Грекам

см.: *Фет/Нагуевский*. С. 380. Высказанное здесь предположение о предпочтении редакцией «Журнала Министерства народного просвещения» рецензии на фетовского Катулла К. С.—ского вместо рецензии Нагуевского следует дополнить и раскрыть псевдоним рецензента — Пл. Н. Краснов (см.: *ЖМНП*. 1886. Ч. 245. № 6. Отд. 2. С. 430–438).

⁴³ РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 79–79 об.

⁴⁴ Там же. Л. 82 об.

⁴⁵ О статье см.: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 217.

⁴⁶ *Кулаковский. Aulularia*. С. 928. Попутно отметим, что обширная восторженная рецензия на «Aulularia» и «Эпиграммы» Марциала, принадлежащая перу В. А. Грингмута, была опубликована в «Московских ведомостях» (см.: *МВед*. 1891. 24 июля. № 202. С. 2–4; подпись: «В. Г.»).

Муза дала гений и полнозвучное слово...» — *лат.*; *Epist.* II, 2, 323–324). Придя к этому выводу, ученый, вероятно не осознавая того, приблизился к базовой установке Фета-переводчика о том, что переводами древних авторов должны заниматься поэты. Неполнота же «академических» комментариев — одна из самых частотных претензий к поэту со стороны специалистов — безусловно, осознавалась Фетом; цель пополнить своими переводами обширные списки научных академических комментированных изданий никогда не ставилась поэтом, объяснявшим это тем, что рядовому читателю «нужны не филологические тонкости, а самые простые пароли и лозунги для пропуска в укрепленный лагерь незнакомого поэта».⁴⁷

Ответы Помяловского на письма Кулаковского неизвестны, однако хорошо известен его отзыв 1884 года на переводы Фета из Горация, заказанный ученому в связи с присуждением поэту императорской Академией наук полной Пушкинской премии. В своем отчете Помяловский, по выражению Страхова, «глава и царь всех наших латинистов»,⁴⁸ отметил, что не усматривает «резких промахов в понимании подлинника» у переводчика, что «перевод его, в общем, может быть признан переводом верным», что у Фета, в соответствии с подлинником, присутствует такое же разнообразие метров и такое же «оригинальное сочетание стоп», придающих «особую прелесть переводу»; к несомненным достоинствам фетовских переводов Горация Помяловский отнес «редкую полноту и благозвучность» рифм, гладкость, естественность и удобопонятность речи; лишь «весьма немногие места» вызвали у рецензента «замечания». Сравнивая переводы двадцати двух од Горация, выполненных И. П. Крешевым (1862), Помяловский писал, что Фет «в огромном большинстве случаев сумел подойти к подлиннику еще ближе, чем Крешев, вернее передать образы и эпитеты оригинала». Перечислив в доказательство несколько примеров, рецензент пришел к выводу, что переводы Крешева «уступают переводам г. Фета в близости к подлиннику и в выдержанности его картин и образов». Касаясь качества примечаний, Помяловский отмечал, что «г. Фет везде умел уловить связь мыслей Горация с верным чутьем понял его взгляды на литературу».⁴⁹

⁴⁷ *Энеида*. Ч. 1. С. VIII.

⁴⁸ *Фет/Страхов*. С. 516. Письмо к Фету от 20 апреля 1891 г.

⁴⁹ См.: Помяловский И. В. К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 <Критический разбор на соискание Пушкинской премии> // Сборник ОРЯС имп. Академии наук. 1884. Т. 36. № 4. С. 22, 54; вся рецензия: С. 1–62 (отд. паг.) (Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 году). Следует добавить, что за обширный профессиональный отзыв Помяловского Академия наук присудила рецензенту золотую медаль (см.: Там же. С. 62). Извлечение из рецензии было опубликовано:

По мнению Я. К. Грота, «главным основанием» премии Фету «послужила» рецензия Помяловского.⁵⁰ Сохранилось единственное письмо Фета, адресованное Помяловскому, от 18 апреля 1891 года:

Глубокоуважаемый Иван Васильевич,

Только совершенным неведением моим в области научной иерархии возможно объяснить, что по получении в 1883 году от Я. К. Грота в деревне критического и подробного разбора Вашего моего Горация я за все лето не сумел сообразить надлежащего адреса Вашего и потому не собрался благодарить Вас за Ваш почтенный труд. Впоследствии мне было совестно являться с запоздалою признательностью, и я выжидал подходящего случая. Случай этот наконец представился мне при появлении в свет эпиграмм Марциала, над которыми я провел три года усидчивого, ежедневного труда; но в данную минуту мой Марциал радуется меня появившейся возможностью выразить Вам то искреннее и глубочайшее уважение, с которыми прошу считать меня Вашего Превосходительства сердечно признательным.

А. Шенин.⁵¹

Заслуживает внимания сохранившийся ответ ученого от 24 апреля 1891 года, не воспроизводившийся ранее:

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич,

Спешу принести Вам глубокую благодарность за любезное сообщение мне Вашего перевода Марциала. Переводом этим Вы оказали ощутимую услугу нашей не владеющей латинским языком, но интересующейся древней литературой публике и вплели новую ветвь в венок, украшающий Вас как переводчика латинских поэтов.

На летних каникулах займусь внимательным штудированием труда Вашего.

С отличным уважением и неизменной преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

И. Помяловский.

24 апреля 91.⁵²

Правительственный вестник. 1884. 21 октября (2 ноября). № 233. С. 2; 25 октября (6 ноября). №235. С. 1–2; см. также: *ЖМНП*. 1884. Ч. 236. № 12. Отд. 4. С. 68–82 — Присуждение Пушкинской премии в 1884 году (Отчет, читанный в публичном заседании имп. Академии наук, 19-го октября текущего года, председательствующим <...> Я. К. Гротом). Разбор Помяловского предварила рецензия латиниста В. И. Модестова на фетовский перевод Горация, который, отметив отдельные неточности перевода, назвал его «капитальным приобретением русской литературы» и приравнял труд Фета к труду Н. И. Гнедича, переводчика «Илиады» (см.: *Новости и Биржевая газета*. 1884. 24 января. № 24. Цит. по: *Фет/Страхов*. С. 374, примеч. 4 к п. 101).

⁵⁰ *Грот Я. К.* Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1884 год // *Сборник ОРЯС имп. Академии наук*. 1885. Т. 36. № 2. С. 24.

⁵¹ *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 1366. Л. 1–1 об. Письмо написано секретарем; курсивом отмечена приписка, сделанная рукой Фета.

⁵² *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 46. Л. 1. Черновик письма Фета и фрагмент ответа Помяловского, опубликованные ранее (с некоторыми разночтениями) Г. Л. Мединцевой,

Сохранились 16 писем и 1 телеграмма Кулаковского к Фету, а также одно его сочувственное письмо, адресованное Марии Петровне, в связи с кончиной поэта (см. *Приложение I*); местонахождение ответных писем Фета неизвестно. Следует повторить, адресуясь к украинским коллегам: поиски этих писем следует начать с архива Кулаковского в Украине, который в настоящее время нам недоступен.⁵³ Публикация писем ученого дополняет перечень имеющихся как отдельных писем к Фету, так и его переписки с лицами, в той или иной степени причастными к гигантской работе поэта над античными переводами,⁵⁴ что дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии Фета, но и для осмысления и анализа его новаторской техники перевода, до сих пор вызывающей разноречивые споры. Статья Кулаковского, воспроизводимая ниже, вошла в обширный список литературы, состоящий из отзывов на античные переводы Фета филологов-классиков, а также переводчиков римских поэтов. Собранные воедино отзывы таких академических ученых и специалистов, как С. П. Шестаков, И. В. Помяловский, А. И. Кирпичников, Я. К. Грот, А. В. Олсуфьев, Ю. А. Кулаковский, В. А. Алексеев, В. А. Грингмут, О. А. Шебор, А. Адольф, Д. И. Нагуевский, В. И. Модестов, М. Ф. Петропавловский, Н. Ф. Фокков, Пл. Н. Краснов и мн. др., могли бы составить отдельный том, из чтения которого стало бы очевидно, что далеко не все профессиональные претензии, в том или ином случае предъявленные Фету, разделялись коллегами, более того, в отдельных случаях переводы тех же римских авторов, сделанные самими учеными-специалистами, зачастую признавались коллегами-классиками менее точными и удачными, нежели переводы Фета.

Так, Кулаковский полагал, что критика Олсуфьева на фетовского Ювенала — «строгая и даже придирчивая» и что не все «нападки» графа были достаточно «основательны» (см. *Приложение II*).⁵⁵ Тот же Кула-

воспроизведены: *Фет/Страхов*. С. 517 (см. также: *Медынцева Г. Л., Гротская З. В.* Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским // Новые материалы по истории русской литературы: Сборник научных трудов (Гос. Лит. музей). М., 1994. С. 69–70).

⁵³ ЦГИАУ. Ф. 264 (л. ф.). Выборочный обзор эпистолярной части этого фонда, в котором имя Фета отсутствует, см.: *Пучков*. С. 289–291.

⁵⁴ См.: *Письма Корша к Фету*. С. 35–52; *Письма к Коршу*. С. 204–228; *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 214–246; *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 401–417 (здесь опубликованы письма к Олсуфьеву, не включенные в *Письма к Олсуфьеву*); *Фет/Нагуевский*. С. 365–449.

⁵⁵ Речь идет о рец.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886 (отд. отт.); впервые: *ЖМНП*. 1886. № 2, 3, 5, 8.

Граф А. В. Олсуфьев.
С фотографии И. Дьяговченко. Москва, нач. 1880-х гг.

ковский был убежден, что классик А. Адольф, переведивший «правильными гекзаметрами» и «великолепно» издавший Ювенала, снабдив его «обширным и ученым комментарием», «много поработал над текстом» римского сатирика и, «конечно, лучше, правильнее и точнее понимал его», нежели Фет, «и все-таки вышло так, что поэт сумел передать в своих подчас неправильных и негладких гекзаметрах силу, злобу, порыв и увлечение римского сатирика; а тот же Ювенал у г. Адольфа — слаб, бледен и без желчи, хотя, конечно, он несравненно меньше уязвим с точки зрения правильности понимания текста, чем перевод г. Фета».⁵⁶

⁵⁶ Кулаковский. *Aulularia*. С. 928. См. также: Сатиры Д. Юния Ювенала. Стихотворный перевод и объяснения Андрея Адольфа, учителя Московской третьей гимназии. С прибавлением латинского текста. М., 1888. В Предисловии Адольф, говоря о переводе Ювенала, выполненном Фетом, пишет: «Но при всех своих достоинствах, полноте и близости к подлиннику, этот перевод, основанный на недостаточном знакомстве с текстом и обширной литературой по толкованию <...> не вполне, а во многих местах ошибочно, как то доказала критика в лице гр. А. В. Олсуфьева, передает смысл и колорит оригинала <...>. Во всяком случае, честь первого перевода Ювенала на русский язык принадлежит г. Фету» (С. V). Откликнулся на фетовский

А «тщательный» перевод комедии Плавта «*Aulularia*», выполненный М. П. Петровским, Кулаковский находил «вялым и безжизненным», отзывающимся «какою-то рассудочностью», в сравнении «с живым непосредственным и веселым переводом» Фета.⁵⁷ Схожую мысль высказал и ученый-латинист О. А. Шебор в хвалебной рецензии на фетовский перевод плавтовой комедии, отметив, что в отдельных случаях перевод Петровского не так точен, как перевод Фета, «русского собрата» Плавта. Нашел погрешности Шебор и у Фета, скрупулезно отметив которые, пришел к заключению: «Филолог, тем более специалист по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета в общей сложности, заметит в нем, без сомнения, не мало недочетов и погрешностей в частностях, но и он, наверно, найдет в нем много такого, что с удовольствием занесет на поля своего экз<емпляра> Авлюярии», — и добавлял, что все «перечисленные погрешности перевода г. Фета в избытке искупаются как общеою его талантливостью, так и массою прекрасных частностей».⁵⁸

Следует отметить, что Шебор обнаружил и высказал здесь не банальную мысль, ускользавшую из обширных рецензий специалистов на переводы Фета, даже хвалебных, а именно: в истолковании темных мест античных авторов, затруднявших при комментировании ученых-классиков, поэтическое прозрение Фета оказывалось способным проникать и научно адекватно истолковывать подобные места настолько, что филологи должны были «с удовольствием» занести их на поля своих экземпляров. Справедливость этой мысли подтверждает и высказывание историка литературы А. И. Кирпичникова, который, сравнивая фетовский перевод Ювенала с переводом «присяжного классика» Н. М. Бла-

перевод Ювенала и Нагуевский, который отметил, что «сравнительно с переводом г. Фета» перевод «г. Адольфа представляет, несомненно, заметный шаг вперед». Вместе с тем ученый согласился с мнением Олсуфьева, что труд Фета «есть драгоценный вклад в нашу столь небогатую литературу по классической филологии» (см.: Сатиры Ювенала. Объяснил и издал... Д. И. Нагуевский. Казань, 1888. Т. 1. С. IV, LXXXV; ценз. разрешение: 26 октября 1887 г. — разгар его конфликта с Фетом и Соловьевым за право быть титульным редактором фетовского перевода «Энеиды» (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 413–417)).

⁵⁷ Кулаковский. *Aulularia*. С. 923. См. также: Кубышка (*Aulularia*). Комедия Т. М. Плавта / Пер. <М. П. Петровского> // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 91–151 (отд. паг.). Подп.: М. П—ский.

⁵⁸ См.: Шебор О. Тита Макция Плавта «Горшок» (*Aulularia*), перевод А. Фета. Москва, 1891 г. С. 1, 3, 14 (отд. отт.); впервые: Филологическое обозрение. 1891. Т. 1. Отд. 2: Критика и библиография. С. 57–71.

говещенского, писал: «...два русские переводчика расходятся; всегда прав г. Фет. <...> Короче сказать, если можно 2–3 страницы исписать местами, неудачно переведенными у г. Фета, то понадобится не один десяток их, чтобы перечислить все стихи труднейшего из знаменитых римских поэтов, переданные с замечательной верностью и силой. Честь и слава дилетанту классицизма!»⁵⁹ И наконец, одним из самых красноречивых доказательств того, какое место занимали латинские переводы Фета в научной иерархии, является тот факт, что ученый-классик В. А. Алексеев, имея достаточный выбор при составлении для учебных целей хрестоматии из римских поэтов в русских переводах, предпочел переводам «записных классиков» переводы Фета. Так, стихотворения Катутла представлены в сборнике исключительно Фетом; на равных приведены здесь фрагменты переводов комедии Плавта «Горшок» как Фета, так и ученого-античника М. П. Петровского.⁶⁰ Добавим, что Алексееву принадлежит одна из лучших рецензий на первую часть фетовского перевода «Энеиды», в которой дается сравнительный анализ переводов Фета и И. Г. Шершеневича (Варшава, 1868) и более удачным признается перевод Фета.⁶¹ Пл. Н. Краснов, поэт и переводчик древних поэтов, в частности Горация и Тибулла, большую часть своей восторженной рецензии на полный перевод од Горация, выполненный П. Ф. Порфириным, отводит сравнению последнего с переводами именно Фета, а не с переводами, скажем, В. И. Орлова, Вл. Мазюкевича, Н. И. Кроля, Ф. Н. Берга, В. Крестовского, И. П. Крешева, А. Н. Майкова, Н. Ф. Фоккова и др., полагая их «случайными». Критик отмечает, в частности, что Порфиоров «передал Горация очень простым, бесхитростным языком. У Фета Гораций кажется высокопарным». Размеры Порфиорова, по его мнению, «гораздо менее разнообразны и гораздо менее соответствуют музыке латинского стиха, чем у Фета»; его перевод «может вполне конкурировать с переводом од Фета», так как он «проще, понятнее, доступ-

⁵⁹ А. К. <Кирпичников А. И.> Юния Ювенала сатиры, в переводе и с объяснениями А. Фета. Москва. 1885 // *ИВ*. 1886. Т. 23. № 3. С. 709.

⁶⁰ См.: Римские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1897. Т. 1. Следует добавить, что на основании рецензии ученого-классика Н. Ф. Фоккова на фетовский перевод Горация (М., 1883), заслушанной на заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения 21 мая 1884 г., комиссия рекомендовала «означенную книгу как учебное пособие для гимназий, а также для фундаментальных и ученических библиотек мужских средних заведений и для награды учеников» (см.: *Фет/Справоч.* С. 374–375 — коммент. Н. П. Генераловой).

⁶¹ См.: Алексеев В. Новые книги // Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 28–31 (отд. «Современная летопись»).

нее», но он «не унесет на облака читателя, как уносит порою перевод Фета».⁶²

И если не все отзывы классиков на римские переводы Фета носили восторженный и беспристрастный характер, то само внимание авторитетных специалистов к античным переводам поэта говорит гораздо красноречивее о достоинствах, нежели о недостатках этой деятельности Фета. Как справедливо отметила Н. П. Генералова, имея в виду рецензию С. П. Шестакова на фетовский перевод Горация (1856), «сам факт, что филолог-классик взялся рецензировать поэтический труд, означал признание».⁶³ Следует добавить, что в большинстве этих рецензий и критических разборов, которые опубликованы, как правило, в специальных филологических изданиях («Журнал Министерства народного просвещения», «Филологическое обозрение», «Сборник ОРЯС»), рассчитанных на чтение специалистов, зачастую уже сам уровень высказываемых претензий предполагал в своем объекте не столько переводчика, не претендующего на звание присяжного классика, сколько профессионального филолога-античника, вносящего свою лепту в развитие классической филологии. Так, Помяловский писал о филологическом изучении оригинала Горация Фетом: «Хотя в общем изучение это может быть признано достаточным, тем не менее строгим требованиям филолога-классика г. Фет удовлетворяет не везде».⁶⁴ Не стала исключением из этого ряда и статья Кулаковского, приуроченная к литературному юбилею Фета, большая часть которой отведена теме происхождения гекзаметра, схеме его деления, форме, метрике, его связи с элементами народного словесного творчества эллинов и т. д.

Так, по настоянию Олсуфьева, фетовские переводы «Метаморфоз» Овидия (М., 1887) и «Эпиграмм» Марциала (М., 1891) были снабжены параллельными текстами латинских оригиналов — тип издания, едва ли привычный для читателей литературных переводов, и, как пишет в Предисловии к Овидию Фет, Олсуфьев же, «найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших», тем самым текст «приобретал самостоятельную цену в глазах знатоков».⁶⁵ Если бы качество переводов Фета не было

⁶² *Краснов Пл.* Гораций на русском языке // Новое дело. 1902. № 5. С. 140–141, 142, 144.

⁶³ *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. СС и П.* Т. 2. С. 534.

⁶⁴ *Помяловский И. В. К.* Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 17.

⁶⁵ См.: *Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV.* = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°. 1887. С. XIX.

достаточно высоким для «знатоков», едва ли механическим введением параллельного текста была бы возможна радикальная замена целевой читательской аудитории с любителей на знатоков классической филологии. Так, предваряя свои профессиональные замечания и уточнения к фетовскому переводу Ювенала в обширном фундаментальном критическом разборе, насчитывающем более двухсот замечаний к переводчику, Олсуфьев, вместе с тем, дает ему высочайшую оценку «драгоценного вклада» в классическую филологию, основным достоинством которого является верность подлиннику.⁶⁶ Проницательно почувствовал это образовавшееся притяжение замкнутого в самом себе мира классической филологии и мира литературного перевода с многочисленной читательской аудиторией Страхов, который, увидев фетовского Марциала, написал ему: «С большим любопытством слежу я за насаждением у нас классицизма <...>. Происходит то, что и всегда: размножение учебников и учебных изданий классиков (появились теперь превосходные), диссертаций и переводов, делаемых не литераторами, а доцентами, магистрантами, разными учеными людьми, лишенными писательского таланта. Все это совершается и вращается в учебном мире и не переходит в мир писателей и читателей. Вы, Олсуфьев и немногие другие <...> составляете яркое исключение».⁶⁷ Любопытно, что Страхов видел в Фете представителя учебного мира классицизма.

Неизвестна реакция Фета на статью Кулаковского, далекую от юбилейных славословий. Можно лишь предполагать, что статья эта — ученый разговор на равных — стала лучшим «подношением даров» от ученого-классика поэту-переводчику.

Письма (16) и телеграмма (1) Кулаковского публикуются по автографам — РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1–16 об.; № 54. Л. 1–16; К. 13. № 34. Л. 19–19 об. В *Приложении I* приводится письмо ученого к М. П. Шеншиной (РГБ. Ф. 315. К. 8. № 52. Л. 1–3); в *Приложении II* — его статья «К юбилею А. А. Фета», которая воспроизводится по газетной публикации: Киевлянин. 1889. 29 января. № 24. С. 2–3; 31 января. № 25. С. 1–2; в газетном варианте статья датирована 28 января 1889 г. Отдельный оттиск, переверстаный в книжном формате: Киев, 1889 (ценз. разрешение: 11 февраля 1889 г.). Отдельные фрагменты статьи цитировались в публикациях: *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 217; *Пучков*. С. 76;

⁶⁶ См.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. С. 3. О своем отношении к этому разбору Фет писал Нагуевскому 22 января 1888 г.: «Так, между прочим, из всех ошибок, замеченных гр. Олсуфьевым в моем Ювенале, я признаю только *ebur* (слоновую кость — лат.), почему-то вдруг переведенный мною черным деревом» (*Фет/Нагуевский*. С. 432).

⁶⁷ *Фет/Страхов*. С. 516. Письмо от 20 апреля 1891 г.

Фет/Нагуевский. С. 378. Сведения о предшествующих цитированиях из публикуемых писем, если таковые были, приводятся при каждом письме.

Письма и статья воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных грамматических и синтаксических особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации (к примеру, *Виргилий*). Гораций, цитируемый Кулаковским в статье, выверен по изданию: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883, с указанием в примечаниях на неточности в цитировании.

1

13 сентября 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Быть может, Вы уже давно получили ответ от Нагуевского насчет изречения: *habent sua fata libelli*^a и моя справка не нужна более;¹ но мне так хочется отозваться в Вашу милую Воробьевку, где я провел три таких приятных дня,² что я пользуюсь этим поводом, чтобы напомнить о себе. — Изречение это есть вторая половина стиха *pro captu lectoris habent sua fata libelli*,⁶ и стих принадлежит не какому-нибудь поэту, а находится в сочинении грамматика III в. (п.о. Р. Х.) Теренциана Мавра в его сочинении «*Carmen heroicum*» в отделе: «*De litteris, syllabis et metris*».³ Не имея под руками самого текста и не желая откладывать письма еще на несколько дней, я не привожу контекста; но с удовольствием сделаю это, если бы это понадобилось.

Препровождаю Вам вместе с этим письмом текст комедии Плавта «*Aulularia*» во французском школьном издании.⁴ Я бы мог послать лучшее — что до исправности текста — критическое издание Ричля, но оно, конечно, найдется в Москве.⁵

А этот маленький *libellum*^b хоть и не *arido pumice expolitum*,^г признаете Вы, наверное, заслуживающим эпитета *lepidum*,^{д,6} когда просмотрите одну-две сцены этой остроумной комедии.

^a книжки имеют свою судьбу (*лат.*).

⁶ книжки имеют свою судьбу по тому, как их принимает читатель (*лат.*).

^b книжку (*лат.*).

^г отшлифованную сухой пемзой (*лат.*).

^д милая, изящная (*лат.*).

Я порассказал тут в Киеве многим о готовящемся в Воробьевке переводе «Энеиды», и многие ждут его видеть с нетерпением, равным тому, с каким некогда ждали римляне ее оригинала.

Хочу надеяться, что неприятные осенние дни, которые начались, вероятно, и в Воробьевке, как тут у нас, не мешают тому веселому настроению, которое царило в Вашем доме, когда и я удостоился быть Вашим гостем.⁷ В надежде, что это когда-нибудь повторится, шлю свой сердечный привет Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Юлиан Кулаковский.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение много потрудившейся над «Энеидой» Екатерине Владимировне.⁸

13 сентября 87.

Киев.

На конверте: по Московско-Курской жел<езной> дор<оге>.

станция *Коренная Пустынь*.

Его Высочородию

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

В Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 14 сен<тября> 1887, Киев; 2) 16 сен<тября> 1887, Коренная Пустынь Курск <ой> г<уб>.

На обороте: Ю. Кулаковский (*карандашная запись рукой Е. В. Федоровой?*).

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1–2 об; конверт — л. I.

¹ Ранее с тем же вопросом Фет обратился к Д. И. Нагуевскому в письме от 25 августа 1887 г.: «В подтверждение дилетантизма моей филологии вынужден прибегнуть к Вашей помощи в следующем деле. Для издания сборника моих стихотворений мне необходимо привести стих: „Habent sua fata libelli“. Так как мною переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мною переведен; тем не менее, несмотря на все мое старание, я не мог его нигде разыскать и прошу Вас великодушно указать мне его надлежащее место, указав, конечно, и автора». Нагуевский затруднился с ответом: «О пословице Habent etc. справлялся на днях — писал он Фету 13 сентября 1887 г. — Думаю, что в библиотеке у нас есть так наз<ываемый> Florilegium, напр., Frommelt'a, тогда легко будет посм<отреть>» (*Фет/Нагуевский*. С. 403, 406).

Фет обратился с той же просьбой к Кулаковскому, от которого и получил нужные сведения. «Если Вы не справлялись о libelli, — пишет Фет Нагуевскому 17 сен-

тября 1887 г., — то и не беспокойтесь при многочисленных трудах Ваших. Я узнал, что весь стих принадлежит грамматике III века по Р. Х. Теренциану Мавру и гласит: „pro captu lectoris habent sua fata libelli...“» (Там же. С. 409–410). В это время Фет готовил к печати третий выпуск «Вечерних огней» и использовал стих в качестве эпиграфа к Предисловию (М., 1888), где дал свой перевод: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек» (ВО 3. С. III).

² Кулаковский гостил в Воробьевке три дня, вероятно, с 23 по 26 августа 1887 г. Подробнее см. во вступит. статье.

³ *Теренциан Мавр* (Terentiānus Maurus; ок. 200 или перв. пол. IV в.) — грамматик из Мавритании, автор дидактической поэмы, посвященной метрике и состоящей из трех частей («De litteris», «De syllabis», «De metris» — «О буквах», «О стопах», «О метрах»), в которой излагается современная ему теория стихосложения (см.: Словарь античности / Пер. с нем.; Сост. Й. Ирмшер и Р. Йоне. М., 1989. С. 572).

⁴ Вероятно, речь идет об издании, указанном Фетом в Предисловии к переводу комедии: «Хотя в наше время, с легкой руки Золя, вошло в моду не стесняться в литературных произведениях выражениями, не употребительными в обществе и тем более женском, тем не менее мы держались в нашем переводе классического издания Ноэля, в котором стихи с наиболее крупною площадною солью выпущены. Комедия, нам кажется, от этого не пострадала» (*Плавт*. С. V–VI). В письме к Ф. Е. Коршу от 28 ноября 1888 г. Фет писал о том, что название «Aulularia» во французском переводе дается как «La marmite» (см.: *Письма к Коршу*. С. 221); скорее всего, речь идет о французском издании: T. Macci Plauti Aulularia (La marmite). Edition classique accompagnée de notes et de remarques grammaticales, philologiques et historiques, précédée d'une introduction littéraire et suivie des imitation de Molière par A. Noël. Paris, 1874 (3-e édition. Paris, 1877).

Снабдив Фета текстом комедии во «французском школьном издании» (вероятно, Ноэля), в рецензии на его перевод «Aulularia» Кулаковский указал на этот выбор как на оплошность переводчика: «Переводит г. Фет по тексту французского школьного издания Noël de Vergès и к другим, по-видимому, не обращался. Со своей стороны, мы признаем его совершенно правым. Переводчик сам замечает в предисловии, что, благодаря такому выбору текста, в его переводе исчезли „стихи с наиболее крупною площадною солью“, и полагает, что „комедия от этого не пострадала“. <...> Но игнорировать новейшие критические издания неудобно потому, что установление плавтова текста есть дело новое и живое в настоящее время. Если бы переводчик обращался к изданию Götz'a (Leipzig, 1881), то, быть может, он кое-где иначе понял текст, а также иначе бы разделил в некоторых местах и диалог между действующими лицами» (*Кулаковский. Aulularia*. С. 919). Имеется в виду комментированное издание «Aulularia», подготовленное Г. Гётцем, учеником Ф. Ричля (см. ниже): T. Macci Plauti Comoediae recensuit instrumento critico et prolegomenis auxit Fridericus Ritscheli socii operae adsumptis Gustavo Loewe, Georgio Goetz, Friderico Schoell. 20 Faszikel in 4 Bänden. Lipsiae, 1881. Bd. 2,1: Aulularia recensuit Georgius Goetz. Именно это издание считалось наиболее авторитетным среди филологов-классиков.

На подаренном Фетом гр. Олсуфьеву экземпляре «Aulularia» («Наставнику и сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву на память переводчик») среди заметок и поправок, сделанных на полях книги уже после смерти поэта (1 августа

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эвклионъ и Стафила.

Эвклионъ бьетъ свою старую служанку Стафилу, которую подозреваетъ въ томъ, что она узнала тайну его влады.

Эвклионъ.

Вонъ, говорю, скорѣй! Сокройся за дверями,
Клянусь, чѣмъ рыскаютъ тутъ пытливыми глазами!

Стафила.

Но бьешь меня за что ты, жалкую?

Эвклионъ.

Чтобы

Жалка была. Другой не стоишь ты судьбы.

Стафила.

5. За что же гнать меня изъ дому такъ ретиво?

Эвклионъ.

Тебѣ-ль я дамъ отчетъ, всѣхъ лозановъ ты нива? ⁶⁾

Отъ двери отойди туда вонъ! Какъ ползеть!

⁶⁾ Лозановъ ты нива. Тѣло твое достойно представляться почвою, на которой безпрестанно сажаютъ новые прутья или розги.

Эвклионъ, убогая старая женщина, была неслучайно изуврачена, какъ и ты, и убогая старая женщина, которую подозревалъ в томъ, что она узнала тайну его влады. — Не такъ ужасно, какъ ты думаешь, предостереженъ посланецъ отъ престола, предостереженъ в Варшавѣ.

современные критики считают этот текст
напечатанъ актъ II сцена 10 — управившись вестъ востъ
Комиссия, основанной на неурядицахъ — Александръ
говоритъ о подлинности или добротѣ восточныхъ фактовъ,
а Эвклионъ понимаетъ это какъ выноса въ Кремль
вообще въ убожество. Восточный текстъ съ при пере-
сказъ авторизованъ А. А. и т.д. — Какъ она бы

Пометы А. В. Олсуфьева на подаренном ему экземпляре комедии Плавта «Горшок» в переводе Фета (М., 1891) (ГЛИМ)

1901 г.), имеется следующая запись гр. Олсуфьева: «Полагаю, что если бы при переводе *Aulularia* А. А. имел меня — как он в эпитафии столь лестно для меня называет сотрудником, то я успел <бы> уговорить его следовать Плавту, а не Ноэлю. — Не такие места смело и удачно преодолевал покойный мой друг в переводах Ювенала и Марциала» (см.: *Плавт*. С. 5. Экземпляр хранится: Книжные фонды ГЛИМ. Шифр: Рав 4611). Филолог-классик О. А. Шебор, также укоряя Фета в том, что он следовал «изданию Ноэля-де-Верже», пишет: «Вообще нельзя не пожалеть о том, что почтенный переводчик не пользовался текстом Гётца (G. Goetz, Ричлевское изд., 1881) <...>. Имея под руками более исправный текст и дельный комментарий, г. Фет избег бы доброй половины допущенных им промахов. В издании Ноэля прельстило г. Фета главным образом то, что в нем „стихи с наиболее крупною площадною солью выпущены“» (*Шебор О. А.* Тита Макция Плавта «Горшок» (*Aulularia*), перевод А. Фета. С. 3). «Лучшими изданиями *Aulularia* Плавта в настоящее время, — писал переводчик этой комедии М. П. Петровский, — должны считаться издания Гётца и Лео» (*Кубышка (Aulularia)*. Комедия Т. М. Плавта // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 76).

⁵ Речь идет о критическом издании комедии Плавта знаменитого немецкого филолога-классика, лейпцигского профессора *Фридриха Вильгельма Ричля* (Ritschl; 1806–1876): *Friderici Ritschelli Opuscula Philologica*. Lipsiae. 1868. Vol. II: *Ad Plautum et grammaticam Latinam spectantia* (2-е изд.: 1871). Позже в своей рецензии на перевод комедии, выполненный Фетом, Кулаковский укажет более позднее и авторитетное издание Г. Гётца, ученика Ф. Ричля, подготовленное уже после смерти Ричля (см. примеч. 4 к наст. письму).

Несомненной заслугой Ричля является восстановление текста древнейшей рукописи комедий Плавта (миланский палимпсест), на основании которой он установил хронологию комедий, историю текстов, восстановил истинное имя Плавта — *Titus Maccius* (вместо прежнего *M. Accius*). О научной и преподавательской деятельности Ричля высоко отзывались отечественные классики — см.: *Помяловский И. В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпитафикой проф. Ричля // *ЖМНП*. 1872. Ч. 152. № 11. Отд. 3. С. 33–60. См. также: *Модестов В. И.* 1) Плавт и его значение в университетском преподавании. СПб., 1879. С. 11–13; 2) Лекции по истории римской литературы. Читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание (Три курса в одном томе). СПб., 1888; *Фридрих Ричль* (1806–1876). Некролог <из венской «*Presse*»> // *МВед*. 1876. 11 ноября. № 289. С. 5 (б. п.).

Весьма вероятно, что Фет, помимо французского школьного издания Ноэля, скорее всего полученного от Кулаковского и указанного им в предисловии, использовал в работе над переводом «*Aulularia*» также и одно из критических немецких изданий; свидетельством тому является указание самого Фета, что под рукой у него было и какое-то немецкое издание, в котором «Горшок» Плавта имел название «*Der Torf*» (см.: *Письма к Коршу*. С. 221; здесь ошибочно: «*Der Torf*»).

⁶ Скрытая цитата из Катутла: «*Cui dono lepidum novum libellum / arido modo rimitice exprolitum?*» (Ad *Cornelium Nepotem*) — «Кому я подарю изящную новую книжку, / отшлифованную сухой пемзой?» (К Корнелию Непоту). У Фета: «Кому лошеную под пемзу суждено / Мне книжку новую в красивой дать отделке?» (Стихотворения Катутла. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 1). В примечании

Фет пишет, что книжка называется «новой по случаю красивой отделки и сглаживания концов свертка пемзою у книгопродавца» (Там же).

⁷ См. примеч. 2 к наст. письму.

⁸ Имеется в виду секретарь Фета с конца 1886 г. и до конца жизни поэта Е. В. Федорова (в замуж. Кудрявцева), писавшая письма, стихи и переводы Фета под его диктовку; автор воспоминаний о последних днях поэта (см.: Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 242–243; см. также: *Фет/Полонский*. С. 615).

2

11 ноября 1887 г. Киев

11 ноября 87.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

В ответ на Ваше милое письмо¹ спешу сказать, что принять участие в Вашей «Энеиде» я буду считать для себя великой честью. Обещаю с своей стороны приложить все старание, чтобы не замедлить появления в свет Вашей работы.² Могу подписать теперь *dixi*^а — готов прибавить и *et levavi animam meum*,^б но это будет относиться уже к другому, а именно: моей радости по поводу Вашего разрыва с Нагуевским. Человек подобного сорта не достоин был той чести, которую Вы ему оказали, обратившись к нему,³ о чем я и высказывал сожаление в Воробьевке.

Буду ждать присылки текста перевода с нетерпением. Прошу Вас сообщить мне яснее, что я должен сделать: проверить ли только его точность, или же отметить также места, к которым следовало бы сделать примечания, или даже и написать их? Вы поминаете, что пишете примечания к первой половине сами;⁴ быть может, Вы намерены, в видах единства и цельности работы, сделать то же и по отношению ко второй половине труда. Прошу Вас располагать мною по усмотрению.

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне, остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

^а сказал (*лат.*).

^б и облегчил свою душу (*лат.*).

На конверте: Москва.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <11?> <ноя> 1887, Киев; 2) 13 ноя<бря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 3–4, конверт — л. П.
Фрагмент письма опубликован: *Письма Корша к Фету*. С. 36.

¹ По содержанию этого и следующего письма Кулаковского можно предположить, что письмо Фета, о котором идет речь, датируется 7 или 8 ноября.

² Сотрудничество Фета с Кулаковским не состоялось, так как Нагуевский вернулся к работе над второй частью «Энеиды», о чем сообщил Фету в письме от 18 ноября (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 418; см. также вступит. статью).

³ В библиографической заметке по поводу перевода первой части «Энеиды» Кулаковский высказал в отношении Нагуевского ряд серьезных профессиональных замечаний (см.: *Кулаковский. Энеида*. С. 289–293. Подробнее об этом см. во вступит. статье). В рецензии ученого-классика В. А. Алексева также был высказан целый ряд серьезных замечаний, адресованных Нагуевскому, и высказано сожаление, что примечания, составленные им, «могли бы быть и обстоятельнее» (Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 31).

⁴ В письме Фета (неизв.) речь шла, вероятно, о примечаниях ко второй части «Энеиды» (кн. VII–XII), составленных им самим после конфликта с Нагуевским, имя которого было заявлено на титулах обеих частей «Энеиды» как составителя «объяснений». 21 ноября 1887 г. Фет сообщал Нагуевскому: «Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й <...>». И добавлял далее: «...ученое их достоинство есть уже роскошь, которую под гнетом отменного времени можно и не воспользоваться <...>» (*Фет/Нагуевский*. С. 420, 421). Нагуевский ответил 26 ноября 1887 г.: «К примечаниям прибавлю, если что-то понадобится <...>» (Там же. С. 422). Таким образом, примечания ко второй части «Энеиды» были составлены Фетом и только отредактированы Нагуевским, что не было отмечено на титуле второй части (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 373–374).

3

27 ноября 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Третья неделя идет с тех пор, как я получил Ваше письмо¹ с предложением лестного для меня участия в Вашей «Энеиде» и как послал я

свой ответ.² С тех пор я пребываю в неизвестности. Так как я не имею привычки прибегать к заказу своих писем, то иной раз, как вот и теперь, начинаю опасаться за их судьбу.

Ввиду возможности, что письмо мое не дошло до Вас (чего бы я, однако, не хотел предполагать), повторяю теперь о своей полной готовности с радостью принять в Вашем труде то участие, какое Вы найдете нужным. Если же бы случилось так, что Ваша размолвка с Нагуевским не повела к полному разрыву и предположенное Вами мое участие (которым я бы, конечно, очень дорожил) осталось в проекте, — то в таком случае прошу Вас верить, что нимало не буду в претензии и только желал бы скорее это знать. А то я теперь с каждым приходом почтальона все думаю об «Энеиде» и тягочусь неизвестностью. Я бы тогда спокойно ждал появления первой части в свет, чтобы приветствовать ее в каком-нибудь журнале.³

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне и Вам, остаюсь искренно преданный Юлиан Кулаковский.

27 ноября 87.

Киев.

На конверте:

Москва.

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха. Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 27 ноя<бря> 1887, Киев; 2) 29 ноя<бря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 5–6, конверт — л. III.

¹ См. п. 2, примеч. 1.

² См. п. 2.

³ Кулаковский откликнулся анонимной рецензией в «Русском вестнике». См. п. 2, примеч. 3. Подробнее о ней см. во вступит. статье.

4

7 декабря 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я получил Ваше письмо,¹ вероятно, как раз в то время, когда должно было попасть в Ваши руки мое письмо, в котором я предугадал содер-

жание Вашего ответа.² Так что мне теперь нечего прибавлять к изложенному. Мне тем удобнее будет писать о Вашей «Энеиде», что я стороннее здесь лицо, а написать несколько слов о Вергилии мне даже хочется,³ так как, читая в этом году историю римской поэзии, гораздо больше вдумывался в предмет, чем как то бывало раньше, и восчувствовал уважение к Вергилию, которого прежде не имел. Спасибо за обещание новых «Вечерних огней»,⁴ буду ждать их и «Энеиды» — и, судя по Вашему письму, полагаю, что ожидание это будет непродолжительно.⁵ Этим я бы мог и закончить, но хочу прибавить несколько слов о нашем настоящем. Тяжелые слухи об университетских историях во всех университетах,⁶ кроме нашего, тяготели над нами все последнее время, а с прошлой субботы явились какие-то ведомые начальству симптомы и^а у нас. Чувствуется тревога и брожение, которые пока ничем не разразились, но очень беспокоят наши власти и вызывают разные профилактические меры. Одна из них — присутствие попечителя в Университете, каковое у нас бывает редко. В таких случаях ходит он и на лекции — вероятно, больше для того, чтобы пройти по коридорам и показаться студентам, как устрашающий фантом. Сегодня у меня была лекция от 10 до 11, и он был у меня, выслушав заключение изложения о Проперции и кое-что об Овидии. Скажите: Вы не пробовали переводить что-нибудь из Проперция, или же я этого только не знаю?⁷ У Проперция есть очень хорошие вещицы, хоть он весь целиком мало заслуживает признания (если смотреть на него с общей точки зрения, ценить в нем поэта вообще, а не римского и притом данного времени).

Мы пока не теряем надежды, что наш Университет останется не задетым той волной, которая уже прошла по другим. Дай-то Бог! Университетское дело и так находится в тяжелом положении, и эти волнения могут сделать его еще печальнее. Вообще год заканчивается очень мрачно — но ведь и это будет тем запасом, из которого слагается «доброе старое время». — Это последнее замечание — невольная литературная реминисценция из первой части «Семейства Бухгольц». Помните прелестное место, как автор искал, куда деваются старые годы?⁸

С искренним уважением к Марии Петровне и Вам остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

7 декабря 87.

Киев.

^а и — *вписано сверху*.

На конверте: Москва.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 7 дек<абря> 1887, Киев; 2) 10 дек<абря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 7–8 об., конверт — л. IV.

¹ По всей видимости, письмо Фета следует датировать 30 ноября или 1 декабря 1887 г.

² См. п. 3.

³ Рецензию Кулаковского см.: *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–293. См. п. 2, примеч. 3.

⁴ Сборник, в который вошло 62 стихотворения Фета, вышел 16 января 1888 г. (ценз. разрешение: 18 ноября 1887 г.). См.: *Вечерние огни*. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М., 1888.

⁵ Первая часть «Энеиды» вышла в конце декабря 1887 г. (ценз. разрешение: 9 декабря 1887 г.). 26 декабря 1887 г. Фет писал Я. П. Полонскому: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть „Энеиды“, а на днях вышло и третий выпуск „Вечерних огней“, еще не вышедших из типографии» (*Фет/Полонский*. С. 614; см. также: С. 623–624). Скорее всего, Кулаковский получил от Фета экземпляр первой части «Энеиды» также в конце декабря 1887 г., так как уже в январе 1888 г. откликнулся рецензией (см. примеч. 3 к наст. письму). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. Вторая часть вышла 27 февраля 1888 г. См. п. 5, примеч. 11.

⁶ В ноябре 1887 г. в Московском, Петербургском, Казанском и некоторых других университетах происходили студенческие волнения, вскоре подавленные; следствием этих беспорядков стала временная отмена занятий в ряде университетов (см.: *МВед*. 1888. 17 января. № 17. С. 5; *Русское дело*. 1888. 16 января. № 3. С. 10–11 — обзор мнений, высказанных в печати, по поводу причин возникновения студенческих беспорядков). Фет писал Нагуевскому 31 января 1888 г.: «...самые беспорядки вызваны были во всех высших учебных заведениях одновременно внешнею агитацией» (*Фет/Нагуевский*. С. 435).

⁷ В это время Фет уже занимался переводом «Элегий» Проперция (см.: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9; отд. изд. вышло в этом же году — *Элегии Секста Проперция*. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888).

⁸ Речь идет об известном романе немецкого писателя *Юлиуса Штинде* (Stinde; 1841–1905) «Семейство Бухгольц», опубликованном в приложении к «Русскому вестнику» (М., 1886). Вероятно, имеются в виду следующие рассуждения: «Но, что же в самом деле делается со старыми годами? куда-нибудь да должны же они деваться. Разумеется, справедливо, что с последним ударом двенадцати <...> они погружаются в волны забвения <...>. Но что делается со старыми годами, он (ученый) все же

объяснить мне не сумел. Вследствие этого я решился обратиться к поэтам, так как ведь это они заставляют старые года погружаться в волны забвения. <...> Но и поэты не знали, куда деваются старые годы <...>. Наконец я обратился с интересующим меня вопросом к одной милой, доброй старушке <...>. — Милый мой, отвечала она мне, — из старых годов составляется доброе старое время. Все они снова восстают в нашей памяти и делаются нашему сердцу гораздо милее прежнего. <...> Должно быть, это и в самом деле так, иначе откуда же возьмется доброе старое время, если не из старых, давно протекших годов?» (С. 91–93). Роман имел продолжение «Бухгольцы в Италии», вышедшее также в приложении к «Русскому вестнику» (М., 1887).

5

11 февраля 1888 г. Киев

11 февраля 88.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я еще не поблагодарил Вас за Ваш подарок. Ваши «Вечерние огни»¹ и теперь у меня пред глазами на моем письменном столе, где слева у меня «Faust»,² «Buch der Lieder»,³ Хомяков⁴ а с ними и дидотовский Вергилий.⁵ Хоть они и называются «вечерние», но от них веет утром, прекрасным светлым утром, таким, как было недавно у нас пред глазами на последней передвижной выставке в картине Брюлова,^{а,6} которая напомнила мне и один прекрасный уголок Вашего сада, который надеюсь еще повидать нынешней весной.⁷ Вспомнил про эту картину и потому, чтобы, к слову, придраться к Вам за Ваше отрицание нашего редкого умения достигать высокого в живописи, хоть мы и не прошли через «Мадонну» Рафаэля.⁸ (Помню я, как Вы об этом говорили, когда я Вас видал в первый раз у Соловьева зимою 84 года⁹).

Письмо Ваше от 5 февраля я получил. Приму к сведенью, обдумаю и постараюсь выразить то, на что Вы меня наводите.¹⁰ Намерения своего написать маленький этюд о Вергилии по поводу Вашего перевода я не оставил, но отложил его выполнение до окончания Вашего труда, чтобы можно было повсюду цитовать Ваши стихи. Радуюсь извещению, что скоро буду находиться в обладании второй половины русской «Энеиды»,¹¹ но и смущаюсь этой близостью в то же время, ибо хотел бы, не откладывая до дальнейшего, исполнить то намерение, а в настоящее время я

^а Так в подлиннике.

Ф 307

№ 88
Копия.

Многоуважаемый
Александр Александрович.

Я еще не надобно думать
Ваша и Ваша мажорант. Велю
Вчера я так и не успел
мне среди мажорант на самом
математическом языке, отсюда
у меня Faust, Kuch der Linie,
Kuch der Linie, Kuch der Linie
свой Купоний - Купоний
и мажорант, Велю по
самой мажорант мажорант,
мажорант мажорант мажорант
мажорант, мажорант как
Баша мажорант мажорант

Письмо Ю. А. Кулаковского к Фету от 11 февраля 1888 г. Первая страница (РГБ)

подавлен текущей работой, и мысль поэтому далеко не настолько свежа, чтобы хорошо написать. А, конечно, хотелось бы, и даже признаю обязательным для себя о таком сюжете отзываться только в хорошей форме.¹²

Вы, вероятно, уже получили теперь «Рус<ский> вест<ник>» за январь и видели мою заметку.¹³ Прибавлю, что на днях Модестов прислал мне номер «Новостей» от 25 января, где он уличает Нагуевского в том, что введение списано с его (Модестова) лекций.¹⁴ Удивительный же он нахал этот г. Нагуевский и бесстыдный!

А в заключение просьба: нельзя ли мне узнать адрес Вашего племянника, который живет в Неаполе?¹⁵ У меня есть там одно дело. Я пробовал писать, но ничего из этого не вышло; надо через кого-нибудь лично обратиться. Я бы его как бывшего лицеиста и попросил. Да и как его имя-отчество?

С глубоким почтением к Марии Петровне и Вам остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: Москва.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 12 фев<раля>, Киев; 2) 14 фев<раля> 1888, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 9–10 об., конверт — л. V.

¹ Кулаковский благодарит Фета за дарственный экземпляр вышедшего 16 января 1888 г. третьего выпуска сборника «Вечерние огни», который был приложен, по всей видимости, к письму поэта от 5 февраля 1888 г. (неизв.). Местонахождение этого экземпляра неизвестно. См. п. 4, примеч. 4.

² Трудно сказать, о каком, вероятно немецком, издании «Фауста» И.-В. Гёте идет речь. Одним из последних изданий было, например: Faust. Eine Tragödie von Goethe. Herausgegeben von Moritz Ehrlich. Mit Holz Schnitten nach Zeichnungen von Alexander Zick. Berlin, 1888. «Фауст» Гёте в переводе Фета, изданный А. Ф. Марком в роскошном оформлении, вышел позже, в декабре 1888 г.

³ Вероятно, имеется в виду немецкое издание «Книги песен» (Buch der Lieder) Г. Гейне, составившее первые два тома Сочинений поэта, изданных Эрнстом Эльсте-

ром: Heines Buch der Lieder nach den ersten Drucken oder Handschriften. Leipzig, 1887. Bd 1–2.

⁴ Возможно, Кулаковский говорит о только что вышедшем издании: *Хомяков А. С.* Стихотворения. 4-е изд. М., 1888 (ценз. разрешение: 8 февраля 1888 г.). Первое изд. — М., 1861.

⁵ Скорее всего, речь идет о каком-то издании Вергилия, возможно «Энеиды», выпущенном типографской фирмой «Didot», вероятно с «дидотовским шрифтом», названном так по имени Фирмена Дидо (Didot; 1764–1836), гравера, представителя династии типографов и бумажных фабрикантов, усовершенствовавшего форму шрифта для будущих изданий in-folio Вергилия, Горация и др. Для этого шрифта характерна сильная контрастность линий по толщине между основными и соединительными штрихами. Переводил «Буколики» Вергилия (Paris, 1806). Едва ли Кулаковский говорит об этом антикварном издании (об издательской фирме Didot см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. Xа. С. 580).

⁶ Очевидно, имеется в виду картина «Утро» Павла Александровича Брюллова (1840–1914), живописца, в основном, пейзажиста. Кулаковский мог ее видеть на XV Передвижной выставке картин Товарищества передвижных художественных выставок, проходившей в феврале — апреле 1887 г. в Петербурге и Москве и в августе 1887 г. в Киеве (см.: Каталог XV Передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. СПб., 1887. С. 3. № 16; см. также: М., 1887; Киев, 1887). Сведениями о нахождении ученого в Петербурге и Москве в феврале — апреле 1887 г. не располагаем. Скорее всего, Кулаковский был на выставке, проходившей в Киеве, так как с конца января по начало июля 1887 г. находился в Италии в научной командировке (см.: *Лучков*. С. 70, 72). Не исключено, однако, что речь идет о картине П. А. Брюллова «Заря», демонстрировавшейся на XIV выставке передвижников, проходившей, помимо Петербурга и Москвы (март — май 1886 г.), также и в Киеве (август 1886 г.) — см.: Каталог XIV-й Передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. СПб., 1886. С. 2; о посещении киевской выставки 1886 г. и о выставленном на ней портрете Вл. Соловьева работы И. Н. Крамского (1885) говорится в письме Кулаковского к Т. Д. Флоринскому от января 1887 г. (см.: *Лучков*. С. 29), что, впрочем, не исключает и того, что ученый посетил и «недавнюю» XV выставку передвижников в Киеве, на которой мог видеть картину П. А. Брюллова «Утро».

⁷ Кулаковский был гостем Фета в Воробьевке неделю в самом начале июня 1888 г.

⁸ Фет на протяжении всей жизни благоговейно относился к творчеству Рафаэля и особенно к его «Сикстинской Мадонне», восторженные впечатления от которой после посещения Дрезденской галереи (1856) он описал в очерках «Из-за границы»: «Когда я смотрел на эти небесные, воздушные черты, мне ни на мгновение не приходила мысль о живописи или искусстве; с сердечным трепетом, с невозмутимым блаженством я веровал, что Бог сподобил меня быть соучастником видения Рафаэля. Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастью, никогда не постигну. <...> Разве это картина? разве это сочинено? <...> Из галереи я вынес неподдельный восторг и счастье, которого уже не утрачу в жизни. После этого, разумеется, мне не хотелось смотреть на другие картины <...>» (*Фет*.

ССиП. Т. 4. С. 33–34). Позже, посетив Лувр и увидев другие картины Рафаэля, Фет вернется к этой теме: «Но перед всеми этими картинами вы наслаждаетесь еще сознательно, а перед дрезденской Мадонной ум переходит в зрение и отказывается служить» (Там же. С. 76). Далее Фет развивает свою теорию о существовании в художественном мире двух идеалов — явлений будничных, возможных, т. е. типов, и невозможных, в которых «все — совершенство». Такой идеал «достижим для немногих избранников. Того не подсмотрит, не изучит никакой гениальный взор, чего нет в природе и чего, между тем, так безумно жаждет душа. <...> Вот торжество искусства над дагерротипом. Дагерротип — зеркало природы, картина — зеркало той же природы, отраженной в магической, осмысленной призме человеческого духа» (Там же. С. 76–77). Вероятно, полемика с Кулаковским, возникшая в доме Соловьева, развивалась Фетом в русле этих рассуждений. Дрезденской «Мадонне» Рафаэля Фет посвятил стихотворение «Вот сын ее! — он тайна Иеговы...» («К Сикстинской Мадонне»).

⁹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — философ, публицист, поэт, переводчик, познакомился с Фетом в 1881 г., был дружен с поэтом до конца его жизни и состоял с ним в переписке.

¹⁰ Вероятно, в письме от 5 февраля Фет, ознакомившись с вышедшей в январской книжке краткой библиографической заметкой Кулаковского о первой части «Энеиды» (см. примеч. 14 к наст. письму), просил ученого откликнуться более обстоятельной рецензией на весь перевод «Энеиды» и напомнил, что Кулаковский собирался написать на издание «маленький этюд». Намерение это не осуществилось. Подробнее см. во вступит. статье.

¹¹ Вторая часть вышла 27 февраля 1888 г.: Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть вторая. VII–XII. М., 1888 (ценз. разрешение: 15 февраля 1888 г.). Ф. Е. Корш в письме к Фету от 27 февраля 1888 г. пишет: «...Вам искренняя благодарность за „Энеиду“: с большим удовольствием прочел, что Эней отправил Турна, куда следует (а Вы расстались с Нагуевским)» (*Письма к Корицу*. С. 220).

¹² Подробнее об этом во вступит. статье.

¹³ См.: <Кулаковский Ю. А.> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета... Часть первая. I–VI. М., 1888 // *ПВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–293 (отд. «Новости литературы»).

¹⁴ По выходе первой книги «Энеиды» в переводе Фета в издании «Новости и Биржевая газета» была опубликована обширная статья профессора-классика В. И. Модестова, озаглавленная «Г-н Фет и г. Нагуевский», основное содержание которой свелось к обвинению Нагуевского как автора «Введения» и примечаний в плагиате из «Лекций» Модестова, в якобы неправильном написании «Вергилий» вместо «Виргилий» и др. Аттестуя Фета как «очень пожилого и болезненного» человека, Модестов, кроме того, намекнул на якобы нерусское его происхождение. См.: *Новости и Биржевая газета*. 1888. 25 января. № 25. С. 2. На «безобразную статью» Модестова Фет откликнулся полемической заметкой: *Фет А.* Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости»). № 25 // *МВед*. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6. Подробнее об этом см.: *Фет/Нагуевский*. С. 374–376.

¹⁵ Речь идет, возможно, о племяннике Фета *Петре Ивановиче Борисове* (1858 — 25 марта 1888), с которым Кулаковский встречался, вероятно, в Лицее цесаревича

Николая при Московском университете (Катковский лицей), работая там по окончании Лицея и университета в качестве преподавателя латыни (1876/77 уч. год) и тьютора (1875–1878). Борисов учился в Лицее с 13 августа 1868 по июнь 1876 г., окончив курс с золотой медалью, был студентом историко-филологического факультета Московского университета (1876–1879) (см.: Историческая записка имп. Лицея в память цесаревича Николая за XXX лет (1868–1898). М., 1899. С. 187, 195, 416, 418, 575; Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1894/1895 учебный год. М., 1894 (Сер. II. Год I). С. 341, 377). В заграничной командировке, установленной для лиц, готовящихся к профессорскому званию, Кулаковский находился с января 1878 по осень 1880 г. (университеты Бонна, Берлина и Тюбингена). Борисов, командированный «с ученой целью» за границу, учился в Йенском (с апреля 1880 по август 1881 г.) и Берлинском (с сентября 1881 по февраль 1882 г.) университетах. В письме к Фету от 23 мая 1880 г. Борисов писал из Йены: «...из наших теперь за границей еще двое — Судейкин (политикоэконом и финансист) <...> и Кулаковский (римский историк) в Тюбингене. <...> Кроме желания увидиться с товарищами после многих дней (относительно Кулаковского) и годовой (относительно Судейкина) разлуки — меня тянуло и стремление ознакомиться и с молодой русской интеллигенцией (в лице их) — которой до сих пор я был совершенно чуждым. И мои ожидания оправдались. Кроме самого сердечного и дружеского приема я нашел живых, много начитанных и много думавших людей <...>. Кроме того увидел через них, что как ни бедно наше просвещение, однако умственные движения и интересы все-таки в студенческой среде существуют — а это уже много. (Между прочим к слову: Кулаковский хорошо знает Владимира Соловьева). <...> есть любовь к делу и живые интересы — а это, по верным словам Кулаковского, главное. <...>

Внешняя история моя за это время следующая: в воскресенье я проехал в Баден-Баден, в понедельник подъехал Кулаковский из Тюбингена, и мы с ранцем, попеременно носимым за плечами, отправились в Шварцвальд <...>. Кулаковский, много ездивший по Европе и теперь только что вернувшийся из Италии (а у него всего только средств, что стипендия — 1500 р., и с этим он все-то умеет делать — конечно роскоши себе не позволяет и не щеголяет галстуками!) <...> от рассказов о московских профессорах или выдающихся студентах и магистратах мои товарищи переходили к разбору той или другой новой книги, рассказывали ту или другую черту жизни Павла Михайловича или Михаила Никифоровича (Леонтьева и Каткова. — С. И.) — потом приходили на очередь наши лицейские воспоминания, потом опять обсуждалось то или другое новое сочинение <...> и наконец Кулаковский, по поводу того или другого слова или вида, вспоминал Италию, откуда только что вернулся <...> (он привез много прелестных и очень дешевых римских фотографий) — и музеи, в которых

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядаемой красой.

(Ты это писал, если не ошибаюсь, о не-италь<янской> Венере — но Кулаковский говорит, что многие итальянские напоминают эти слова. <...>) (РГБ. Ф. 315. К. 6.

№ 13. Л. 27–30 об.). За предоставление копии этого письма искренне признательна И. А. Кузьминой.

Судейкин Власий Тимофеевич (1857–1918) — экономист, публицист, педагог, сенатор. Окончил Лицей в память цесаревича Николая (1876 — см.: Историческая записка имп. Лицея. С. 470, 613; Календарь имп. Лицея. С. 377) и юридический факультет Московского университета (1879). Слушал лекции в Берлине, Фрейбурге и Лондоне. Учился с Петей Борисовым в одном классе Лицея, на одном курсе университета, встречался с ним за границей, состоял в переписке (1880–1886; см.: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 32). Позже Судейкин читал в Петербургском университете лекции по истории финансов в России и по финансовому праву. Занимал различные должности в министерстве финансов; был одним из авторов словаря Брокгауза и Эфрона. Расстрелян большевиками в 1918 г.

Не исключено, что Борисов мог общаться с Кулаковским не только в Лицее и Московском университете, но и в Берлине в апреле 1880 г., куда заезжал по дороге в Йену, поэтому писал Фету, что встретился с Кулаковским «после многих дней» разлуки.

Борисов цитирует стихотворение Фета «Венера Милосская» (1856), написанное во Франции непосредственно после посещения Лувра: «Перед нами *Венера Милосская*. Статуя отыскана на острове Милосе в 1820 году <...>. Ни на чем глаз не отыщет тени преднамеренности; все, что вам невольно поет мрамор, говорит богиня, а не художник» (*Фет. ССулП*. Т. 4. С. 72–73; 451–452 — коммент. И. С. Абрамовской и Н. П. Генераловой при участии Е. П. Дерябиной и В. А. Лукиной).

Очевидно, речь идет о племяннике Фета художнике Федоре Вл. Боткине (1861–1905), также лицеисте (1871–1872), находившемся в Италии в 1887–1889 гг. (указано И. А. Кузьминой).

6

11 марта 1888 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Получил я вторую часть «Энеиды», прочел ее, а все не собрался поблагодарить Вас за подарок.¹ Отчасти замедлил потому, что как-то не верится, что Вы так рано перекочевали из Москвы, а Вы написали, чтобы туда направлять к Вам письма после 1 марта.²

Если Вы, в самом деле, уже ждете весны в Вашей Воробьевке, то шлю Вам привет с приездом и искреннее пожелание скорейшего наступления весны, которая у нас тут было появилась, да и опять уступила место зиме. Наскучили уже эти снега и холода, да и время им проходит.

Спасибо за адреса Ваших племянников,³ но я ими не пользовался, так как мое дело — для которого я хотел к ним прибегнуть — в Неаполе; да впрочем, за текущими занятиями я оставил тот план, который я так давно держал и к неосуществлению которого повела неисполнитель-

ность неаполитанского фотографа. Дело шло о клише помпейских видов для электрического света.⁴

Пока не сочиню чего-нибудь о Вергилии, буду считать себя должником перед собственной совестью,⁵ но, к сожалению, такое состояние должно продлиться, ибо пока совсем нет свободы голове для того, чтобы сочинять другое, помимо необходимого. Нехорошо, когда свободы такой нет, но подчас оно много лучше, чем если ее много. Разумею Владимира Сергеевича. Как жаль, что он написал свою статью в «Вестнике Европы».⁶

А пока — до свидания — остаюсь с чувством глубокого уважения к Марии Петровне и Вам остаюсь <так!> преданный Вам

Ю. Кулаковский.

11 марта 88.

Киев.

На конверте: по Московско-Курской жел<езной> дор<оге>,
станция *Коренная Пустынь*.

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В селе Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 12 мар<та> 1888, Киев; 2) 13 мар<та> 1888, Коренная Пустынь Курск<ой> г<уб>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 11–12 об., конверт — л. VI.

¹ Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г. (ценз. разрешение: 15 февраля). См. п. 5, примеч. 11. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

² В 1878–1892 г. Феты, как правило, с 1 марта по 1 октября проводили в Воробьевке.

³ См. п. 5, примеч. 15.

⁴ Имеются в виду, вероятно, слайды. Ранее Кулаковский в рецензии на монографию немецкого исследователя Августа Мау (Maу), посвященную помпейским фрескам, одним из первых дал русскому читателю представление об этом виде античной живописи как художественном явлении (см.: *Кулаковский Ю. А. Помпейская стенная живопись // Университетские известия. Киев, 1883. № 12. С. 391–398; см. также: Пучков. С. 96–97).*

⁵ В краткой рецензии на первую часть «Энеиды» Кулаковский пообещал «вернуться» к разговору о Вергилии и переводе Фета (*Кулаковский. Энеида. С. 292*); однако отдельной статьи об «Энеиде» ученый так и не написал, замысел этот час-

тично реализовался в статье Кулаковского, приуроченной к юбилею Фета. См. об этом во вступит. статье.

⁶ Речь идет о статье Вл. Соловьева «Россия и Европа» (*ВЕ*. 1888. № 2, 4), которая была посвящена разбору книги Н. Я. Данилевского, переизданной Страховым (3-е изд. СПб., 1888) и направленной против его теории о «замкнутых культурно-исторических типах» и особом «русско-славянском типе», обладающем «своей особенной наукой, философией, литературой и искусством». Страхов ответил Соловьеву статьей «Наша культура и всемирное единство» (*РВ*. 1888. № 6). Между Соловьевым и Страховым завязалась длительная полемика, включившаяся в давний спор западников и славянофилов (подробнее см.: *Фет/Страхов*. С. 452).

7

11 мая 1888 г. Киев

3 мая 88.

Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Вернувшись только что из Варшавы (где я провел десять дней в семье брата¹), нашел я Ваше письмо от 29 апреля. Спасибо Вам за доброе внимание к моей книге.² Направил я ее к Вам без письма, хоть и следовало отозваться на Ваше письмо от 27 марта, потому что я тогда предполагал возможность близкого свидания. Дело в том, что я надеялся, что в Москве устроят мне в мае месяце диспут. Я подал ее в качестве диссертации. Но в Москве факультетские дела в таком странном положении, что я до сих пор не знаю и того, доложено ли мое прошение. В Варшаве получил я письмо от Иванова,³ из которого я узнал, что о диспуте в мае нечего и думать: он сам слишком занят, а у Герье⁴ приключилась болезнь (брюшной тиф), другие филологи — кроме Иванова — все в отпуску или командировке. Это — частное сообщение, а об официальной постановке дела я так-таки ничего не знаю, не знаю и того, принимают ли они мою книгу в качестве диссертации. — Если бы я мог^а предвидеть, как странно стоят дела в факультете московском, то и не обращался бы туда, обращаться теперь в другие университеты уже поздно, и приходится отложить дело до осени, когда и для меня самого все^а вопросы, задетые в моей книге, потеряют свежесть.

Радуюсь очень, что «Aulularia» уже существует в русском переводе.⁵ Надеюсь услышать ее в Вашем чтении, так как я непременно хочу побы-

^а Далее зачеркнуто: это

вать в Воробьевке.⁶ Пока еще не могу ничего сказать о времени своего посещения: у меня еще нет определенного плана на лето.

Я Вам сердечно благодарен за сообщение касательно Соловьева. Жаль мне его. Ведь он человек с гениальностью и проходит так бесплодно.⁷ — Что до моих суждений о его книге в разговоре с Хитровым⁸ (это было на балу у Боткиных⁹), то я на заявления Хитрова о его восторге по поводу «Теократии»,¹⁰ говорил только, что мне «жаль, что Соловьев ее написал», и подивился, что Хитров — сам историк — допускает возможность такой некритической трактовки исторических вопросов. Если встречу с Соловьевым, то постараюсь рассеять недоразумение — впрочем, если замечу, что это возможно. Но вряд ли скоро встретимся, а письменных сношений у меня с ним нет: он не отвечал мне на письмо мое, которым я отозвался на его книжку и у меня нет повода писать ему.¹¹

Низко кланяюсь Марии Петровне и Вам.

Искренно преданный Ю. Кулаковский.

На конверте: по Московско-Курской ж<елезной> д<ороге>,
станция *Коренная Пустынь*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В имении Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 4 мая 1888, Киев; 2) 5 мая 1888, Коренная Пустынь
Курск<ой> г<уб>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 13–14 об., конверт — л. VII.

¹ Старший брат Кулаковского *Платон Андреевич Кулаковский* (1848–1913) — лектор русского языка в Варшавском университете (с 1884 г.), позже получил степень доктора славянской филологии и стал профессором того же университета (1892), известный историк и филолог-славист, общественный деятель, активный участник славянского движения, редактор газеты «Варшавский дневник» (1886–1892), главный редактор «Правительственного вестника» (1898–1905); редактировал петербургскую газету «Окраины России». Многочисленные статьи по славяноведению публиковались в «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Журнале Министрства народного просвещения», «Новом времени», «Руси» (Аксакова) и др. См.: *Грот К. Я.* 1) П. А. Кулаковский. СПб., 1914; 2) П. А. Кулаковский // *ЖМНП*. 1914. № 3. С. 8–53 (Отд. совр. летописи); Б. п. Кулаковский П. А. <Некролог> // *ИВ*. 1914. Т. 135. № 2. С. 760–762.

² Речь идет о докторской диссертации Кулаковского, изданной в марте отдельной книгой «К вопросу о начале Рима» (Киев, 1888), подаренной Фету и получившей его одобрение (см.: *Пучков. С. 73; Фет/Полонский. С. 676*). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

³ Речь идет о *Гаврилле Афанасьевиче Иванове* (1826–1901), профессоре римской словесности в Московском университете, учителе Кулаковского.

⁴ *Герье Владимир Иванович* (1837–1919) — историк, общественный деятель, профессор всеобщей истории Московского университета (с 1868 г.).

⁵ Комедия Плавта была издана позже, в 1891 г. (ценз. разрешение: 1 декабря 1890 г.).

⁶ Вероятно, Фет пригласил Кулаковского в Воробьевку, так как в самом начале июня 1888 г. ученый неделю гостил у Фета в поместье. См. п. 8 и примеч. 7 к нему.

⁷ Э. Л. Радлов вспоминал о другом конфликте между ними, «когда дело касалось людей, заподозренных в недоброжелательстве к катковскому направлению, осуждаемый Соловьевым прием, т. е. неподавание руки, пускался им в ход. Таково было, напр., его отношение к Ю. А. Кулаковскому, который чем-то досадил М. Н. Каткову» (*Лукьянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии: В 3 кн. М., 1990. Кн. 3. Вып. 2. С. 65. Прил. к репринт. изд.). В университете Кулаковский слушал лекции Соловьева. В январе 1887 г. после прочтения публичной актовой речи «Поэма Лукреция „О природе“» Кулаковский писал Т. Д. Флоринскому: «Речь моя в том виде, как я ее приносил, появится в „Киевлянин“, а в „*Университетских*» известиях» отпечатаю <ее> целиком, как написано, и прибавлю <...> посвящение Соловьеву Владимиру, портрет которого на передвижной выставке, гостившей у нас, вдохновлял меня, заставляя переживать в воспоминании обаяние его первой лекции в Москве в январе 1875 года. Содержание лекции имеет отношение к философии, оно и кстати украсит его именем брошюру листа в два» (цит. по: *Пучков. С. 29*); однако посвящения ни в публикации речи в «Университетских известиях», ни в отдельном издании не последовало (см.: *Университетские известия. 1887. № 1. С. 1–38; отд. изд. — Киев, 1887*). Катков умер 20 июля 1887 г., и Кулаковский произнес или намеревался произнести на его похоронах надгробную речь «Великий подвижник за русскую землю» (рукопись; *ЦГИАУ. Ф. 264. Оп. 1. № 21. Л. 3–3 об.*; см. также: *Пучков. С. 30*), а в конце августа 1887 г. дружески общался с Соловьевым в Воробьевке (см. вступит. статью). Скорее всего, разлад в их отношениях наступил весной 1888 г. и был вызван идеями Соловьева, изложенными в его статье «Россия и Европа» (*ВЕ. 1888. № 2, 4*), посвященной разбору книги Н. Я. Данилевского, а также книге «Теократия» (см. примеч. 13 к наст. письму). Не исключено, что речь о Лукреции Кулаковский подарил не только Полонскому, о чем упоминает в письме к нему от 3 октября 1888 г. (*ИРЛИ. № 12180. Л. 1*), но и Фету; местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

⁸ Имеется в виду *Хитров Михаил Иванович* (1851–1899) — духовный писатель, по окончании историко-филологического факультета Московского университета (1876) защитил магистерскую диссертацию в Московской духовной академии, сотрудничал в журнале «Странник» и других духовных изданиях, помещая в них очерки из истории христианской церкви; руководил печатанием некоторых творений святителя Феофана Затворника; преподавал в гимназиях русский язык и историю. Блестяще владел древними и новыми языками. В 1895 г. был рукоположен

Протоиерей М. И. Хитров

в сан диакона и следом в сан иерея. Основные труды: Ориген: Биографический очерк. СПб., 1878; Святой Алексей, человек Божий: Повесть из истории христианской церкви конца IV века. М., 1890; Святой Благоверный великий князь Александр Ярославич Невский: Подробное жизнеописание. М., 1893. Подробнее о нем см.: *Никон, архимандрит*. На добрую память о незабвенном сотруднике // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 2. № 6. С. 336–355; отд. отд. — М., 1899.

С Хитровым Фет познакомился в доме Д. П. Боткина, вероятно, 18–21 августа 1880 г.: «Обедал у Боткина с их учителем гимназии (Хитров), — писал Фет Л. Н. Толстому 23 августа 1880 г., — и, жаль, не знал, что он автор лежавшей в кабинете монографии *Ориген*, которую я отчасти прочел и кот<орая> написана горячо и толково» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому / Публ. и коммент. Т. Г. Никифоровой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 89). А в одном из следующих писем от 29 января 1881 г., описывая свой догматический спор с Хитровым, Фет замечает, что он «магистр богословия и приятель Соловьева, а дает уроки Боткиным мальчикам. Это действительно хорошо образованный человек, но ортодокс до мозга костей. Как странно, что эти господа опираются на такие гнилые палки, как дурацкое учение о прогрессе человечества и тому подобной гегельятине <...>. Тем не менее, все эти

господа, т. е. Соловьев, и Хитров, и Страхов собираются погостить в Воробьевке летом» (Там же. С. 93; см. также коммент. на с. 94). Хитров был домашним учителем не только детей Д. П. Боткина, но и М. С. Соловьева, брата Вл. С. Соловьева, и до конца сохранил дружеские отношения с домом Соловьевых (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 86); следует отметить, что в издании: *Фет. ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 94 Хитров ошибочно указан как учитель детей С. М. Соловьева.

25 января 1881 г. Фет пишет Пете Борисову: «Познакомился я с одним учителем гимназии *Хитровым*, магистром богословия, замечательной эрудиции». И далее, имея в виду теологические споры с ним, добавляет: «Хитров хочет при помощи Соловьева припереть меня к стене» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 41. Л. 1 об.). Споры, вероятно, были жаркие. На письме Фета к Вл. Соловьеву от 10 июля 1892 г. брат философа Михаил сделал приписку: «Во время спора с М. И. Хитровым и Говорухою-Отроком и защиты ими христианства Фет вскочил, стал перед иконою и, крестясь, произнес с чувством горячей благодарности: „Господи Иисусе Христе, Мать Пресвятая Богородица, благодарю Вас, что я не христианин!“» (см.: *Фет А. А. Соч.*: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 449). Хитров был корреспондентом Фета (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 25).

⁹ Имеются в виду балы у Дмитрия Петровича Боткина (1829–1889) и его жены Софьи Сергеевны (урожд. Мазурина; 1840–1889) в их доме на Покровке (ныне Покровка, 27).

¹⁰ Речь идет о сочинении «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» (Загреб, 1887. Т. 1), задуманном Соловьевым как обширное историческое, богословское и философское исследование в трех томах, однако написан был только первый том «Теократии», в котором содержалась философия библейской истории. Второй и третий тома («Философия церковной истории» и «Задачи теократии») так и не были изданы. Часть второго тома, для которого Соловьев собрал большой материал, вошла вскоре в его книгу «Россия и вселенская Церковь», по цензурным условиям изданную во Франции на французском языке (*La Russie et l'Eglise universelle*. Paris, 1889). Ранее также во Франции была издана брошюра «Русская идея» (*L'idée russe*. Paris, 1888). В этих сочинениях Соловьев последовательно развивает идею о вселенской Церкви, соединении Востока и Запада, православия и католичества в «священную империю», в которой церковная сторона должна быть представлена римским первосвященником, руководству которого вверяет себя русский православный царь — мирская власть; и эта двуединая власть должна сообразовываться с духом свободы, выразителем и защитником которой становится пророк — третье лицо «земной троицы» (см.: *Гальцева Р., Роднянская И.* Просветитель: личная участь и жизненное дело Владимира Соловьева // Лукьянов С. М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 2. С. 330–331). Об отношении Фета к этой книге см. его письмо к К. Р. от 10 января 1892 г.: *Фет/К. Р. С.* 940.

¹¹ Местонахождение письма Кулаковского к Соловьеву неизвестно. «Книга моя (первый том „Истории теократии“), — писал 20 июня 1887 г. из Воробьевки Соловьев о. Мартынову, — подверглась полнейшему секвестру. <...> Даст Бог, не пропаду вконец от греко-российского тупого кулака» (*Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 24). 15 (27) июля 1888 г. Соловьев, опасаясь официальных гонений, писал Фету из Па-

рижа: «Из России мне пишут про разные вздорные сплетни в газетах на мой счет. <...> как бы не вышло какого-нибудь затруднения с возвращением моим из-за границы» (см. переписку с Соловьевым в наст. томе. С. 404).

8

2 октября 1888 г. Киев

2 октября 88.

Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Не далее как вчера утром проезжал я неподалеку от Вашей Воробьевки и различал не без Sehnsucht^a горб Вашего прекрасного парка, что склоняется к тихому Тускеру.¹ В руках у меня был номер «Московских ведомостей» с статьей о Соловьеве, где провозглашена отходная нашему столь богато одаренному и так бесплодно гибнущему русскому человеку.² В прошлом году, когда мы с ним гуляли по Вашему саду и Вашим полям,³ он был уже на дороге к гибели, но можно было еще надеяться, а теперь, увы — он уже оттолкнулся от нашего берега и никто и ничто его не вернет. — Ужасно мне за него больно и обидно. Одолел его грех самомнения и гордыня мышления.

На станции Коренная Пустынь узнал я, что Вы с неделю, как уехали в Москву,⁴ а приехав сюда, нашел я всего Плавта⁵ и номер «Киевской старины».⁶ И стало мне совестно, что я так долго молчал и до сих пор не поблагодарил Вас за так приятно проведенную неделю в начале июня в Вашей Воробьевке.⁷ Причиной моего молчания было сначала полное недоумение на Кавказе. Я ожидал найти Кавказ на водах, куда проехал прямо от Вас, и не нашел там ничего. В заботах о ваннах в Железноводске потянулось время ровно и как-то очень тихо и просто. Потом я переехал в Кисловодск, затем пытался проехать на юг, но по случайным обстоятельствам остался на северном склоне Кавказа и через Новороссийск пробрался в Крым. Старался вообще ничего не делать и ни о чем не думать, так как я за прошлое полугодие сильно устал и вообще очень скверно себя чувствовал. По возвращении сюда в конце августа получил, наконец, весть о том, что диссертация моя принята в Петербурге,⁸ воротился мыслями к ней, а тут начало семестра и всегда

^a тоски (нем.).

Уголок парка в Воробьевке.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка» (ИРЛИ)

трудно дающиеся вначале лекции. Уезжая из Киева 17 сентября, я еще мечтал на обратном пути явиться к Вам и напомнить о себе лично, но и это не удалось. Отпуск был у меня самый краткий, да и надо было спешить домой, так как с 28 сентября у нас гостит министр.⁹

В Петербурге я очень много мыкался из конца в конец, вспоминал я часто «Кузнечика»,¹⁰ но не решался разыскать его, так как от него же слышал жалобы на обилие знакомых и посещений. Оказалось, однако, что тот сам меня вспомнил и разыскивал мой адрес. Тогда я явился к нему — и повидался уже в день отъезда;¹¹ нашел я его бодрее и сильнее, чем каким он был в Воробьевке. — В Москве я остановился только два часа между поездами, случайно виделся с Гротом,¹² который не знал еще, что Вы уже вернулись. Что поделывают Персий¹³ и Плавт, а быть может, и еще кто-нибудь? Воспоминания Ваши в «Р<усском> в<естнике>» я читал по возвращении сюда и жду их продолжения.¹⁴

Простите мое долгое молчание и не наказывайте его отплатой.¹⁵

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне и Вам и остаюсь

всегда преданный Ю. Кулаковский.

На конверте: Москва.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха.
Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 3 окт<ября>, Киев; 2) 5 окт<ября> 1888, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 15–16 об., конверт — л. VIII.

Фрагмент письма опубликован: *Фет/Полонский*. С. 679.

¹ *Тускарь* — река в Курской губ., протекающая через Воробьевку, правый приток Сейма.

² Речь идет о редакционной статье без подписи и заглавия, посвященной разбору двух брошюр, которые были изданы Вл. С. Соловьевым в Париже на французском языке — «Русская идея» и «Россия и Вселенская церковь». Излагая взгляды Соловьева, автор статьи писал: «Трудно себе представить, сколько слепой, фанатической ненависти выражено, сколько голословных обвинений против Православной России нагромождено» здесь. И далее, цитируя Соловьева: «*Дух истины, покинул русскую православную церковь, а потому она уже не может быть истинною церковью Господней*». «...Мы, русские <...> не хотящие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине, *не можем быть и не должны называться христианами*». В статье последовательно подверглась критике сущность «русской идеи» Соловьева, согласно которой (в изложении автора статьи) Россия «должна осуществить на земле царство Св. Троицы: роль *Отца* должен принять на себя Папа Римский <...> роль *Сына* — русский царь <...> роль *Духа Святого* выпадет на долю „Пророков“, то есть на долю г. Соловьева и ему подобных», который в настоящее время «принялся усердно сотрудничать в иезуитском органе „Univers“, направляя все свои статьи к тому же возвышению папизма и уничтожению Православной Русской Церкви» (*МВед.* 1888. 29 сентября. № 271. С. 2; в оглавлении статья называется «Москва, 29 сентября: Новоявленный пророк». См также статью «Ответ Dr. Владимира Геттэ В. С. Соловьеву» о несостоятельности догматических построений философа: Там же. 5 октября. № 276. С. 3–4).

³ Кулаковский гостил в Воробьевке три дня, вероятно с 23 по 26 августа 1887 г. Вл. Соловьев — с середины апреля по конец сентября 1887 г.

⁴ В 1878–1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в Воробьевке.

⁵ Скорее всего, речь идет о посланной Кулаковскому для прочтения рукописи фетовского перевода комедии Плавта «для сцены», так как издание состоялось позже, в 1891 г. 28 ноября 1888 г. Фет писал Ф. Е. Коршу «Мне предлагают поставить „Aulularia“ в моем рифмованном переводе на сцену <...>» (см.: *Письма к Коршу*. С. 221). О получении рукописи перевода для Театрально-литературного комитета писал Фету 22 ноября 1888 г. Д. В. Григорович (см. об этом во вступит. статье).

Позже Кулаковский напишет хвалебную рецензию на фетовское издание Плавта (см.: *Кулаковский. Aulularia*. С. 917–928).

⁶ Имеется в виду киевское издание: Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Никаких материалов ни самого Кулаковского, ни имеющих отношение к Фету, в ближайших по времени номерах журнала за сентябрь и октябрь 1888 г. (Т. 22, 23) не публиковалось.

⁷ 13 июня 1888 г. Кулаковский писал И. В. Помяловскому из Железноводска: «Добрался я сюда 11 числа, погостив по дороге несколько дней у Фета (Шенщина) близ Коренной Пустыни» (*РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 55 об.).

⁸ 25 сентября 1888 г. Кулаковский защитил докторскую диссертацию «К вопросу о начале Рима» в Петербургском университете. В качестве диссертации была представлена книга (Киев, 1888). 28 сентября 1888 г. Полонский писал Фету: «В прошлое воскресенье в Университете Кулаковский защищал свою диссертацию. — Я не знал и не попал на диспут, где он здесь остановился, не знаю, иначе бы поздравил его с званием Доктора. Если найду вчерашнюю газету, то вырежу для тебя отчет об этом диспуте» (*ФетПолонский*. С. 675–676). В опубликованном отчете говорилось: «Сегодня, в воскресенье, 25 сентября, в 1 час дня <...> профессор Университета св. Владимира Юлиан Андреевич Кулаковский <...> защищал диссертацию под заглавием „К вопросу о начале Рима“, представленную им для получения степени доктора римской словесности». Официальными оппонентами выступили профессора Ф. Ф. Соколов и Ф. Ф. Зелинский. В заключение диспута декан историко-филологического факультета ординарный профессор И. В. Помяловский «объявил диссертанту, что факультет признал его достойным получения искомой степени доктора римской словесности» (Диспуты в С.-Петербургском университете // *НВр*. 1888. 26 сентября. № 4518. С. 2–3). См. также примеч. 2 к п. 7.

⁹ Имеется в виду *Иван Давыдович Деянов* (1818–1897/98) — министр народного просвещения с 1882 г. Отчет о его пребывании в университете св. Владимира в Киеве см.: *МВед*. 1888. 3 октября. № 274. С. 3–4.

¹⁰ Речь идет о Я. П. Полонском, за которым после его знаменитой поэмы «Кузнечик-музыкант» (1859; отд. изд.: Кузнечик-музыкант. Шутка в виде поэмы. С добавлением некоторых стихотворений за последние годы. СПб., 1863) среди друзей закрепилось это прозвище, что, однако, его обижало (см.: *ФетПолонский*. С. 788, 790). 18 февраля 1889 г. Фет называет Полонского этим прозвищем: «...я сердечно порадовался, что помимо всяких связей ты представляешься Наследнику Цесаревичу и сидишь на домашнем придворном спектакле в качестве „Кузнечика-музыканта“» (Там же. С. 717).

В начале июня 1888 г. Полонский и Кулаковский одновременно гостили у Фета в Воробьевке. Полонский в письме к Фету от 14 июня 1888 г. писал: «...рад, что побывал у тебя, узнал <...> твоего гостя г. Кулаковского» (*ФетПолонский*. С. 649, 651).

¹¹ 8 октября 1888 г. Полонский сообщал Фету: «В конце сентября был у меня Кулаковский. Адрес мой он узнал от Якова Карловича Грота... он был так мил и любезен, что посетил меня за несколько часов до своего отъезда в Киев, куда он спешил в надежде застать там Деянова <...>» (*ФетПолонский*. С. 678). Кулаковский посетил Полонского в Петербурге 30 сентября (см.: Там же. С. 679).

¹² Имеется в виду *Яков Карлович Грот* (1812–1893) — языковед, историк литературы, переводчик; академик Петербургской Академии наук, знакомый Фета.

¹³ 3 декабря 1888 г. Л. Н. Майков, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», сообщал Фету, что рукопись перевода «Сатир» Персия им получена (см. публикацию переписки Фета с Л. Н. Майковым в наст. томе. С. 550). Впервые: *ЖМНП*. 1889. Ч. 262. № 3. Отд. 4. С. 101–143; отд. изд. в виде оттиска из *ЖМНП*: СПб., 1889.

¹⁴ Впервые «Из моих воспоминаний» Фета было опубликовано: *PВ*. 1888. № 8. С. 3–56; продолжение последовало в: *PВ*. 1889. № 1. С. 125–154. Отд. изд.: *Мои воспоминания* (1848–1889): В 2 ч. М., 1890.

¹⁵ Предыдущее письмо было послано 3 мая 1888 г. (см. п. 7). Полонский писал Фету 8 октября 1888 г.: «Он (Кулаковский. — *С. И.*) говорил мне, что он виноват перед тобой, что с весны не писал тебе <...>» (*Фет/Полонский*. С. 678).

9

29 января 1889 г. Киев

Poetae clarissimo, cui per decem lustra molliter atque facete Camenae adnuebant, viro egregio, de litteris Rossicis optime merito pio atque amico animo gratulatur.

Кулаковский.

С латинского:

Поэту славнейшему, коего уже десять пятилетий Камены¹ приветствуют благосклонно и радостно, мужу исключительному, Российской словесности оказавшему высшее благодеяние, с благочестием и любовью, — поздравление.

На об. бланка: Моск<ва>. Гост<иница> Ерматаж.²

Афанасию Афанасиевичу

Фету.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 34. Л. 19–19 об.

Впервые опубликовано: *Фет/Полонский*. С. 745; см. также: С. 743, 758.

Датируется по записи телеграфиста: «29 янв. 1889 г.»

¹ *Камены* — здесь в значении «Музы». См. п. 12, примеч. 3.

² Фет получил телеграмму Кулаковского 29 января на обеде в ресторане при гостинице «Эрмитаж». См. п. 10, примеч. 2.

29 января 1889 г. Киев

29 января 1889.

Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,
дорогой наш юбиляр!

Poetae clarissimo, cui per decem lustra molliter atque facete Camenae adnuebant, viro egregio, de litteris Rossicis optime merito pio atque amico animo gratulatur —

Эти слова я только что послал Вам по телеграфу¹ на Ваш юбилейный обед в московском «Эрмитаже» и повторяю их здесь как свое сердечное и искреннее поздравление, которому надлежало облечься в латинские слова, когда оно обращено к такому верному другу римских поэтов. Я никак не думал, что я опоздаю со своим поздравлением. Петербургские и московские газеты за последние дни говорили о 29 числе января, т. е. сегодняшнем дне, поминая обед в «Эрмитаже» с именами распорядителей.² Я и думал, что обед будет продолжением приема поздравлений на дому, и предполагал, что из далекого места удобнее обратиться прямо туда. Вчера же снес я в редакцию нашего «Киевлянина» свой отклик о Ваших трудах над античными поэтами, чтобы он появился сегодня, в день юбилея.³

Возвратившись с телеграфа, читаю телеграмму в том же «Киевлянине», что день юбилея и прием поздравлений был вчера, что Вы раздавали поздравлявшим свое стихотворение, написанное к этому дню.⁴ Мне обидно, что я опоздал, тем более что я все поджидал вестей о Вашем юбилее,⁵ надеялся встретиться еще в декабре, а первое, что прочел по этому поводу — было известие о юбилейном обеде, назначенном на 29 число. Хочу надеяться, что моя телеграмма дойдет в исправном виде до юбиляра и он простит мне мое опоздание и пришлет свои стихи, которые раздавал вчера поздравлявшим.⁶

До сих пор я еще не поблагодарил Вас за Вашего Проперция и не откликнулся на письмо, полученное мною в ответ на мое в октябре месяце прошлого года.⁷ Я предполагал тогда, что юбилей Ваш будет в декабре⁸ и что мне придется поздравить вас лично. Но вестей о юбилее не было, в Москву у меня не было повода попадать, так я и промолчал. Простите.

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне, низко кланяюсь Вам и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

29 января 89. Киев.

Многоуважаемый
Александр Александрович,
Первый наш редактор!

Редка старissimo, cui per annos
lustra nulliter atque facto Cameracae
admoerent, viis cyrenis, de litteris
Russicis optime merito pio atque
amice animo gratulatur —

Дни славы и славы твои помню
Книж по мастерству на Кассе
подвиги твои в словесах
Драммы и поэмы твои
цель как для сердца и
мысли и направление, которое
предметом обмыва в старинной
слава, когда она вразумо

На конверте: Москва.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха. Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 29 янв<аря> 1889, <Киев>; 2) 31 янв<аря> 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 1–2 об., конверт — л. I.

¹ См. п. 9 и примеч. 2 к нему.

² Подробное описание юбилейных торжеств, состоявшихся 28 и 29 января, публиковалось в ряде московских и петербургских газет. См., например: *МВед.* 1889. 28 января. № 28. С. 3–4; 29 января. № 29. С. 4–5; 30 января. № 30. С. 2–3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6. В первый день Фет принимал поздравления у себя на Плющихе, во второй день состоялся подписной обед, устроенный московским Психологическим обществом в ресторане гостиницы «Эрмитаж» (см.: Садовской Б. Юбилей А. А. Фета // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187–192).

³ Киевлянин. 1889. 29 января. № 24. С. 2–3; 31 января. № 25. С. 1–2. См. *Приложение II*.

⁴ Имеется в виду стихотворение, написанное Фетом ко дню своего юбилея, «На пятидесятилетие моей Музы» («На утре дней все ярче и чудесней...»), печатный экземпляр которого юбиляр раздавал всем присутствовавшим 28 января, принимая поздравления у себя на Плющихе. Первоначально Фет написал к юбилею стихотворение «На пятидесятилетие Музы» («Нас отпевают. В этот день...»), которое, ввиду похоронных коннотаций, было отвергнуто Н. Н. Страховым. Накануне юбилея в письме к Полонскому от 16 января 1889 г. Фет писал: «Во избежание однообразных выражений благодарности за приветствия я хотел напечатать на отдельных листках стихотворение по поводу юбилея, чтобы раздавать его на память желающим. При этом старая Муза моя взглянула на юбилей как на свое отпевание. Но Страхов разобрал это стихотворение, считая его даже невежливым по отношению к поздравляющим <...>. Вчера случайным образом написались другие <...>» (*Фет/Полонский*. С. 705).

⁵ Решение праздновать юбилей своей литературной деятельности 28 января 1889 г. Фет принял 14 декабря 1888 г.: «Пять минут тому назад я бесповоротно назначил двадцать восьмое января 1889 года своим юбилейным днем» (*Фет/Полонский*. С. 694). Однако никаких газетных объявлений об этом не последовало. 11 января 1889 г. Полонский писал Фету: «Почему юбилейный комитет в Москве до сих пор не печатает, куда и на чье имя адресовать письма и телеграммы <...>» (Там же. С. 704).

Началом своей литературной деятельности Фет считал 1839 г., когда он через М. П. Погодина передал Гоголю «желтую тетрадку» со своими стихотворениями.

Гоголь посоветовал молодому поэту продолжать писать: «Это несомненное дарование». Вскоре Фет издал сборник своих стихов «Лирический пантеон» (М., 1840).

⁶ Позже Фет, вероятно, подарил Кулаковскому печатный экземпляр своего юбилейного стихотворения. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

⁷ Местонахождение дарственного экземпляра книги: Элегии Секста Проперция. В переводе и с объяснениями А. Фета. СПб., 1888, присланной Фетом Кулаковскому, неизвестно.

⁸ В письме к И. В. Помяловскому от 4 декабря 1888 г. Кулаковский также пишет о том, что Фет «предполагал праздновать» свой юбилей в декабре 1888 г. (см.: РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 77).

11

15 февраля 1889 г. Киев

15 февраля 89.

Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Само собою разумеется, что я с большой охотой и полной моей готовностью откликаюсь на Ваше предложение касательно Марциала.¹ Поэтом этим я мало занимался, тем приятнее мне будет иметь такой хороший случай. Вы отлагаете дело на лето (т. е. его отношению ко мне). Если бы у Вас было что готово раньше, то лучше бы тогда же прислать это мне. Где и как придется мне проводить лето, я заранее, конечно, не знаю, но я к Вашим услугам, хоть и немедленно. — По отношению к примечаниям мой взгляд тот, что их нужно как можно меньше при переводе, который ведь читается не для поучения. Адольф в своем Ювенале опроверг своими примечаниями, их страшным размером и обилием надобность самого текста своего перевода.² Разногласия о том, что нужно, у нас, вероятно, не будет.

Описание Вашего юбилея в «Моск<овских> вед<омостях>» я читал.³ Признаюсь, что немного пожалел, что там не нашли уместным привести моей телеграммы, как сделали с другими, так как мне думалось, что немного латыни было бы кстати.⁴

Листка с Вашим стихотворением не было в конверте, заключавшем Ваше письмо,⁵ как не пришел он и после. Моя статья вышла в «Киевлянине» 29 и 30 числа января. Оттиски я получил только на днях. Препро-вождаю Вам один из них, прося Вашего снисхождения к моему, быть может, излишне объективному тону.⁶

С большим смущением прочел я в Вашем письме о бедствии, постигшем Марию Петровну.⁷ Радуюсь, что оно отошло уже в давнее прошлое и теперь все хорошо.

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне и Вам, остаюсь искренно преданный

Ю. Кулаковский.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 3–4 об.

¹ Помимо этого письма нет никаких других сведений ни о предложении Фета, ни об участии Кулаковского в фетовском переводе эпиграмм Марциала.

² См.: Сатиры Д. Юния Ювенала. Стихотворный перевод и объяснения Андрея Адольфа, учителя Московской третьей гимназии. С прибавлением латинского текста. М., 1888. Позже в своей рецензии на фетовский перевод «*Aulularia*» ученый напишет, что классик А. Адольф, переведивший «правильными гекзаметрами» и «великолепно» издавший Ювенала, снабдив его «обширным и ученым комментарием», «много поработал над текстом» римского сатирика и, «конечно, лучше, правильное и точнее понимал его», нежели Фет, «и все-таки вышло так, что поэт сумел передать в своих подчас неправильных и негладких гекзаметрах силу, злобу, порыв и увлечение римского сатирика; а тот же Ювенал у г. Адольфа — слаб, бледен и без желчи, хотя, конечно, он несравненно меньше уязвим с точки зрения правильности понимания текста, чем перевод г. Фета» (*Кулаковский. Aulularia*. С. 928). Подробнее см. во вступит. статье.

³ См. п. 10, примеч. 2.

⁴ В хронике юбилейных торжеств, опубликованной в «Московских ведомостях», был приведен только перечень полученных поздравительных телеграмм, оглашенный на обеде в ресторане «Эрмитаж», в котором было отмечено, что среди прочих получена телеграмма «от г. Кулаковского из Киева» (*МВед.* 1889. 30 января. № 30. С. 3). Литературно-драматическое общество к осени — зиме 1889 г. предполагало издать книгу о трех юбилеях — Полонского, А. Н. Майкова и Фета, в которую должны были войти все поздравления, адресованные юбилярам. 29 марта Фет писал председателю общества П. Н. Исакову, что выслал ему материалы, имеющие отношение к его юбилею (см.: *Фет/Полонский*. С. 744), а в письме к Полонскому от 11 августа 1889 г. сообщал: «Я уже переслал Исакову пропущенное в печати прелестное стихотворение графини Сологуб и латинскую телеграмму Кулаковского» (Там же. С. 743); «Я писал Исакову, — говорится в письме Фета к Полонскому от 9 октября 1889 г., — приложивши ему латинское поздравление к моему юбилею от киевского профессора Кулаковского, премилое юбилейное поздравление Владимира Соловьева и чудесное стихотворение графини Соллогуб. Но до сих пор никакого известия о получении этих документов для издания <...> я не получал» (Там же. С. 758). Замысел издать сборник о трех юбилеях остался неосуществленным.

⁵ О стихотворении см. п. 10, примеч. 4, 6.

⁶ Местонахождение дарственного экземпляра статьи «К юбилею А. А. Фета» неизвестно. В Библиотеке Пушкинского Дома хранится оттиск, подаренный Кула-

ковским своему учителю, византологу В. Г. Васильевскому: «Василию Григорьевичу Васильевскому с сердечным приветом шлет автор» (шифр: Бр. 222/3; см. ил. на с. 505). В РНБ хранится оттиск статьи с дарственной надписью: «Его Высокопревосходительству Афанасию Федоровичу Бычкову с чувством глубокого почтения автор» (шифр: 8.253.1.409а). См. *Приложение II*.

⁷ 7 января 1889 г. Фет писал Полонскому «Накануне Нового года я жестоко простудился и по сей день никуда не выхожу из дома; а вечером жена моя вернулась с семейного обеда у брата Дмитрия с левой рукою, переломленной наехавшим на ее сани извозчиком. Теперь рука у нее в гипсовой повязке, и по крайней мере прекратились страшные страдания, нераздельные с костоправством и воспалением» (*Фет/Полонский*. С. 702; см. также: С. 705); об этом происшествии сообщалось в «Новом времени»: «А. А. Фет (Шеншин), как нам сообщают из Москвы, сильно простудился и не мог в первый день нового года, выехать на семейный обед, с которого его жена, вечером того же дня, возвратилась с левою рукою, переломанною наехавшим на ее сани извозчиком» (*НВр*. 1889. 9 января. № 4621. С. 3).

12

6 марта 1889 г. Киев

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Позвольте прежде всего поздравить Вас с Монаршей милостью, с возведением в придворное звание.¹ Хотя про нашу современность и нельзя, к счастью, сказать с Ювеналом *Et spes et ratio studiorum in Caesare tantum*.^{а.2} Но нельзя, однако, не радоваться, когда про него можно сказать, что он *respexit Samenas*.^{б.3} — Вам, быть может, придется или уж пришлось совершить пу<те>шествие на Север, чтобы явиться Ему в Вашем новом к нему отношении.⁴ Вы не поминаете о намерении перебраться в деревню в тот срок, как Вы сделали это в прошлом году, чтобы там пережить начало новой весны, которая уже чувствуется на нашем юге.⁵

Ваше письмо меня очень и очень обрадовало. Вы так мило отнеслись к моему отзыву, и то маленькое *granum salis*,^в с которого начинается Ваш отклик на мою брошюрку, мало назвать — *attici*,^г а надо сказать *atticissimi*.^{д.6} Все дальнейшее с «квартильным» и «дельфинами», с «бу-

^а И надежда, и план занятий в Цезаре только (*лат.*).

^б оглянулся на Камены (*лат.*).

^в букв.: шепотка соли, т. е. оттенок шутливости (*лат.*).

^г аттической <шепотой соли> (*лат.*). Аттическая соль — тонкая остроумная шутка. — С. И.

^д Зд.: шутливые в высшей степени (*лат.*).

лыжниками» и «черным негром»⁷ оживило во мне воспоминание о тех беседах в Воробьевке, когда оказывалось, что нас <?> «землю выдумали», и Гераклит оказывался в паре с ехавшими куда-то Андронами.⁸

Искренно мечтаю о том, что удастся опять повидаться в милой Воробьевке.⁹

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

6 марта 89. Киев.

Р. S. Сам я настоящее время нахожусь в садах Эпикура. Вам, быть может, известно, что открыты новые подлинные изречения Эпикура. Я хочу по их поводу прочесть здесь публичную лекцию.¹⁰

На конверте:

Москва.

Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <?> мар<та> 1889, Киев; 2) 10 мар<та> 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 5–6 об., конверт — л. П.

¹ 26 февраля 1889 г. высочайшим указом в связи с празднованием 50-летия литературной деятельности Фету было пожаловано придворное звание камергера (см.: Правительственный вестник. 1889. 26 февраля. № 46. С. 2), в связи с чем он обязан был представиться императору. См. примеч. 4 к наст. письму. О хлопотах, предпринятых К. Р. по этому поводу, см.: *Фет/К. Р.* С. 742.

² Кулаковский цитирует начало сатиры VII из книги третьей. У Фета: «И надежда и повод к занятиям в Цезаре только; / Он один в эти дни на печальных Камен оглянулся» (Д. Юния Ювенала. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 121). В комментариях к первому стиху Фет пишет: «...высокообразованные богачи, могущие поддержать недостаточного, но истинного художника, необходимы в деле искусства. <...> Когда <...> на престоле воссиял образованный Траян, в душе Ювенала засветилась заря лучших надежд по отношению к поэзии. Все это составляет содержание настоящей Сатиры» (Там же).

³ У Ювенала: «Saturnas respexit» — «Цезарь» оглянулся на Камени» (*лат.*). Камени — древнеиталийские божества; в III в. до н. э. были отождествлены с греческими музами (см.: Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. С. 244).

⁴ Речь идет о представлении Фета Александру III в новом звании камергера, которое состоялось 15 марта 1889 г. (см.: Правительственный вестник. 1889. 17 марта. № 60. С. 1).

⁵ С 1878 по 1892 г., Фет и Мария Петровна, как правило, с 1 марта по 1 октября жили в Воробьевке.

⁶ Известно, что Цицерон сравнивал шутливость и веселость комедий Плавта с аттическими (см.: *Котелов Н. П.* Предисловие // «Казина» комедия Т. Макция Плавта. <Пер.> с латинского Н. П. Котелова. СПб., 1896. С. 60). Возможно, Кулаковский обыгрывает это, имея в виду неизвестный нам шутливый отзыв Фета, переведившего в это время комедию Плавта «Горшок», на статью Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» (см. *Приложение II*).

⁷ Понять, о чем шла речь в не дошедшем до нас отзыве Фета, затруднительно.

⁸ «Андроны едут» — «когда кто некстати важничает и дуется» (*Даль*. Т. 1. С. 17). Выражение употреблено Фетом в письме к И. П. Борису (письмо к Борису). С. 129). Здесь скорее отсылка к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя (гл. IX): «...Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!..» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 190). Указано И. А. Кузьминой.

⁹ В ответном письме (неизв.) Фет приглашал Кулаковского посетить Воробьевку летом 1889 г. (см. п. 13). Полонский писал Фету 29 июня 1889 г.: «Не у тебя ли в гостях милейший и интереснейший Кулаковский?» (*Фет/Полонский*. С. 736). Однако намерение ученого не было осуществлено.

¹⁰ Речь идет о фрагментах высказываний Эпикура, незадолго до этого найденных в одном из греческих кодексов ватиканской библиотеки и опубликованных Г. Узенером. Этому открытию Кулаковский посвятил состоявшуюся в конце марта 1889 г. публичную лекцию, вскоре изданную (см.: *Кулаковский Ю. А.* Философ Эпикур и вновь открытые его изречения: Публичная лекция, читанная в Университете св. Владимира 25 марта 1889 года // Университетские известия. 1889. № 4. С. 1–21; отд. изд.: Киев, 1889). Оттиск или отдельное издание этой речи ученый подарил Фету. См. п. 13, примеч. 1.

13

3 июня 1889 г. Киев

3 июня 89.

Киев.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Ваша изящная похвала моему Эпикуру исполнила меня радостью и гордостью.¹ В обуздании этой второй я подумал о возможности и того, что Ваше дружеское ко мне расположение повлияло в смысле смягчения строгости тех требований, которые надлежит и должно предъявлять ко всякому произведению человеческого слова, а Вы, как признанный мастер в этой сфере на нашем языке, имеете тем большее право на эту строгость. Гордость моя от этого умалилась, но радость осталась, и я от всего сердца благодарю Вас за Вашу похвалу.

Письмо Ваше получил я в самом конце мая,² когда я вернулся сюда из Чернигова. Два раза ездил я туда и провел там большую половину

прошлого месяца. Попечитель наш, Вам земляк, которым мы все здесь очень и очень довольны, возобновил обычай посылать депутатов в гимназии на время экзаменов.³ Так я и познакомился с этим городом, современным Илье Муромцу, но и напоминающим своим видом и характером в большей, чем бы то желательно, степени старое время. Завтра поеду туда еще раз на два дня, чтобы покончить свои в нем обязанности. Весть о смерти Дмитрия Петровича прочел я в «Московских ведомостях».⁴ Мир его праху! Прекрасный он соорудил себе памятник своей картинной галереей. Какая судьба ожидает ее? и будут ли дети продолжать благородное дело своего отца?⁵

Благодарю Вас за приглашение посетить Воробьевку.⁶ Если бы не Чернигов, я побывал бы теперь, хоть на неделю, так как я с 10 сговорился с братом поселиться в его семье в Друзгениках (Гродненской губернии), где он нанял дачу.⁷ Мечтаю проехать и за границу, но все-таки не теряю надежды, что, быть может, удастся хоть в конце лета повидаться с Вами, чтобы воспользоваться радушным гостеприимством Марии Петровны.

Свидетельствуя Марии Петровне и Вам свое глубокое почтение, остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: по Московско-Курской жел<езной> дор<ороге>.

Станция *Коренная Пустынь*.

Его Превосходительству

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

В селе *Воробьевке*.

Почтовые штемпели: 1) 5 июн<я> 1889, <Киев>; 2) 6 июн<я> 1889, Коренная Пустынь.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 7–8 об., конверт — л. III.

¹ Местонахождение оттиска или, скорее всего, отдельного издания лекции Кулаковского, подаренного ученым Фету, неизвестно, но сохранилась та же брошюра, подаренная Я. П. Полонскому: *Кулаковский Ю. А.* Философ Эпикур и вновь открытые его изречения. Киев, 1889, с дарственной надписью: «Якову Петровичу Полонскому в знак глубокого уважения от автора» (Библиотека ИРЛИ РАН. Шифр: Бр. 69/18). Содержание благожелательного отзыва Фета неизвестно.

² Письмо Фета от конца мая 1889 г. неизвестно.

³ Черниговская губерния входила в Киевский учебный округ, на должности попечителя которого в 1882–1902 гг. был востоковед *Владимир Владимирович Зернов-Вельяминов* (1830–1904), уроженец Петербурга; нет никаких сведений о знакомстве Фета с ним. Возможно, речь идет о ком-то другом.

⁴ *Боткин Дмитрий Петрович* (1829–1889) — предприниматель, коллекционер, брат жены Фета. Умер 26 мая 1889 г. в имении Тихий Хутор Харьковской губ. Фет и Мария Петровна, отдыхавшие здесь в это время, сопровождали покойного из Тихого Хутора до Белгорода, откуда тело было отправлено в Москву и 1 июня погребено в московском Покровском монастыре. Фет откликнулся на смерть шурина статьей о необычных проводах тела умершего, устроенных крестьянами (см.: *Фет А.* Дмитрий Петрович Боткин. Некролог // *МВед.* 1889. 3 июня. № 151). «Новое время» отметило эту статью Фета (*НВр.* 1889. 6 (18) июня. № 4765. С. 2). См. также письмо Фета к Полонскому от 7 июня 1889 г. (*Фет/Полонский.* С. 732–733). Объявление о смерти Боткина см. также: *НВр.* 1889. 28 мая (9 июня). № 4757. С. 1.

⁵ С молодости Д. П. Боткин, как и его братья — художник М. П. Боткин и врач С. П. Боткин, увлекся коллекционированием картин, акварелей, рисунков, гобеленов, скульптуры, редкой мебели. В составлении коллекции ему помогал его друг художник А. П. Боголюбов. К 1882 г. собрание Д. П. Боткина, основу которого составляли полотна европейской живописи, насчитывало свыше ста единиц; из русских художников в коллекции Боткина имелись картины А. А. Иванова, И. Н. Крамского, В. Г. Перова, В. В. Верещагина, В. Д. Поленова, А. А. Харламова и др. До 1867 г. собрание размещалось в отцовском доме (Петроверигский пер., 4), а затем в усадьбе (Покровка, 27). Имел должность председателя московского Общества любителей художеств (1877–1889), был избран почетным членом Петербургской Академии художеств (1884). Во второй половине XIX в. галерея Боткина считалась одной из московских достопримечательностей. После его смерти коллекция была унаследована его сыновьями.

⁶ Летом 1889 г. Кулаковский в Воробьевке не был. См. п. 12, примеч. 9.

⁷ *Друскеники* (Гродненская губ.) — ныне Друскининкай, курортный город на юге Литвы, на правом берегу реки Неман. Речь идет о семье брата — П. А. Кулаковского, женатого на Е. Ф. Миллер, сестре академика В. Ф. Миллера.

14

25 сентября 1889 г. Киев

25 сентября 89.

Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Прошло лето, настала осень, а с нею и старое дело, к которому на этот раз прибавилось и нечто новое — первый опыт университетских экзаменов в назначенных министерством комиссиях. Неудача этой дур-

ной затеи был предсказан всеми нами заранее, но видеть подтверждение этого дурного пророчества ни для кого из нас, конечно, не может доставить удовольствия. Изданием смешных, не слаженных между собою, не продуманных <ни> в одной компетентной инстанции — или хотя бы голове — программ, с характером обязательных для всех университетов, обличило еще осенью прошлого года полную несостоятельность министерства пред взятой на себя задачей. Разъезды министра в прошлом году имели совсем смешной и обидный для серьезности дела характер.¹ Производство экзамена *сразу по всем* предметам, да еще по программам, которые изданы были поздно, вызвали порицания от всякого и со всякой точки зрения, урезывались и изменялись в разных переговорах с министерством и председателями комиссий — все это такая печальная насмешка над серьезным и важным университетским делом, что хуже и выдумать нельзя. Само собою разумеется, что результаты повсюду и по всем факультетам самые плачевные. Участвую и я в комиссии, придется вот и завтра сидеть целый день на экзамене. У нас, т. е. на филологическом фак<ультете>, хоть идут одновременно лекции, а у юристов их или нет, или почти что нет, так как два из наших юристов Цитович и Буданов² назначены председателями (Харьков и Одесса), а другие все заседают в комиссии. Хорош экзамен, который отнимает от учебного времени весь сентябрь и большую половину октября (если не весь) — одним словом, происходит Бог знает что. Обидно и думать об этом.

Лето провел я отчасти в Другениках,³ отчасти за границей и вернулся сюда к самому началу учебного времени. Так и не удалось мне побывать в Воробьевке.⁴ Что подельывает Ваш Марциал? Я с величайшей готовностью готов служить Вам, если только Вам угодно указать мне, чем и как могу я быть полезен. Обещаю заранее, что скоро буду отсылать, если Вы пришлете мне что-либо с указанием, что я должен сделать.⁵ Виноватым чувствую себя в том, что немедленно по приезде в Киев не известил Вас о том, что я на месте и к Вашим услугам. Простите, но первые три недели я запутался среди лекций, заседаний, экзаменов и всякого рода дел обязательных.

Низко кланяюсь Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Юлиан Кулаковский.

Мой адрес остается прежний: Афанасьевская. 4.^a

^a Вписано в верхней части последней страницы письма.

На конверте: [по Московско-Курской жел<езной> дор<оге>,
станция *Коренная Пустынь*.]⁶

Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

[В имени *Воробьевке*.]^в

Почтовые штемпели: 1) 27 сен<ября> 1889, Киев; 2) 28 сен<ября> 1889, Коренная Пустынь; 3) 5 октября 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 9–10 об., конверт — л. IV.

Фрагмент письма опубликован: *Фет/Полонский*. С. 736.

¹ Деятельность И. Д. Делянова на посту министра народного просвещения (1882–1897) не была однозначной. Во время его управления был составлен новый Устав российских университетов (1884), ограничивавший их автономию; пересмотрены учебные планы классических гимназий, причем за счет древних языков расширено преподавание русского языка (1890); ограничен прием в средние учебные заведения так называемых «кухаркиных детей», т. е. детей из недостаточных классов населения (1887), и др. В числе мало популярных реформ Делянова было и экзаменационное нововведение в университетах, вступившее в силу 22 августа 1889 г., в виде полукурсовых испытаний. Проверка знаний студентов должна была производиться в особых экзаменационных комиссиях, председатели и члены которых назначались самим министром. Первоначально экзаменационные требования были утверждены Деляновым летом 1885 г., а «правила о производстве испытаний» в 1887 г. (см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 622). В письме от 2 октября 1888 г. Кулаковский писал Фету о приезде министра в Киев 28 сентября 1888 г. — см. п. 8, примеч. 9.

² *Петр Павлович Цитович* (1843–1913) — ординарный профессор, доктор права; *Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов* (1838–1916) — доктор русской истории, ординарный профессор истории русского права, автор «Истории императорского Университета св. Владимира» (Киев, 1884. Т. 1).

³ См. п. 13, примеч. 6, 7.

⁴ См. п. 12, примеч. 9.

⁵ Нет никаких сведений об участии Кулаковского в фетовском переводе эпиграмм Марциала. Подробнее см. во вступит. статье.

⁶ *Зачеркнуто неизвестной рукой и сверху вписано*: Г. Москва.

^в *Зачеркнуто неизвестной рукой и снизу вписано*: Плющиха. Собственный дом № 481.

17 декабря 1890 г. Киев

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Только что получил я Ваше письмо от 14 декабря. Берусь сейчас же за перо, чтобы возгласить: я здесь, но 20 числа передвигаюсь отсюда, и так как мне бы очень хотелось поскорее иметь в руках Ваши дорогие подарки, то прибавлю, что адрес мой на Святках будет Вильна, Учительский институт. Надеюсь проехать оттуда и в Петербург, но это будет, вероятно, уже в начале января,¹ а потому, если Вы будете благосклонны, то я могу еще до того порадоваться Вашим «Вечерним огням»² и переводу «Горшка». О последнем хотелось бы мне сейчас же сделать заметку в каком-нибудь журнале.³ Ваш перевод знаком и памятен мне. Начало его читали Вы мне в Воробьевке, где мне было так хорошо приятно летом 78.^{а4} Так и не привелось мне потом туда заглянуть. В это лето был я также на юге, но путь мой лежал через Одессу. Делал я раскопки в Керчи и нашел немало интересного. Одна из находок — христианская погребальная пещера 491 года нашей эры с надписями по стенам — все больше псалмы (написанные по-гречески). Теперь я был усиленно занят собранием всякого матерьяла, необходимого для издания этой находки.⁵ Само собою разумеется, что при новой обстановке моей жизни работа не может идти так сосредоточенно, как бы то хотелось, и дело затягивается. К тому же здесь в наших библиотеках нет многого, что мне нужно. Это последнее обстоятельство и вызывает мое решение съездить в Петербург в начале января, тем более что издание это должно выйти там в «Матерьялах» Археологической комиссии, от имени которой я вел раскопки летом.⁶ Надеюсь повидать в Петербурге Якова Петровича и поблагодарить его там за полученный недавно экземпляр «Вечернего звона».⁷ А пред Вами я виноват, и теперь, когда пришло ко мне милое Ваше письмо, чувствую это вдвойне.

Вы были так добры, что откликнулись ко мне 1 октября. Я же до сих пор не поблагодарил Марию Петровну и Вас за это внимание.⁸ Примите хоть теперь эту запоздалую благодарность вместе с низким поклоном от меня и жены. Надеюсь, что когда-нибудь придется появиться вместе с нею в Москве, и я буду иметь случай <представить> Вам и Марии Петровне мою спутницу жизни⁹ — искренно преданный Вам

Ю. Кулаковский.

17 декабря 90. Киев.

^а Так в подлиннике. Должно быть: <18>88

На конверте: Москва.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <18 дек> 1890, Киев; 2) 21 декабря 1890, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 11–12 об., конверт — л. V.

¹ 11 января 1890 г. Полонский спрашивает Фета: «Был у тебя Кулаковский?» (Фет/Полонский. С. 787).

² См.: Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1891 (ценз. разрешение: 31 октября 1890 г.). Книга вышла в декабре 1890 г.

³ Это намерение ученого было реализовано. См.: Кулаковский. *Aulularia*. С. 917–928.

⁴ Кулаковский неделю гостил в Воробьевке в самом начале июня 1888 г.

⁵ Весной 1890 г. в окрестностях Керчи, на северном склоне горы Митридат, рабочие, добывавшие камень, случайно обнаружили катакомбу, стены которой были украшены фресками. Археологическая комиссия поручила Кулаковскому произвести разыскания в прилегающей местности на предмет новых открытий. В результате раскопок экспедиции Кулаковского, состоявшейся в конце июля — начале августа 1890 г., была открыта христианская погребальная пещера, впервые с датой. Подробному анализу надписей (тексты псалмов) Кулаковский посвятил специальное исследование.

⁶ См.: Кулаковский Ю. А. 1) Древности Южной России: Керченская христианская катакомба 491 года. СПб., 1891 (Материалы по археологии России, издаваемые императорской Археологической комиссией. Вып. 6); 2) Археологические раскопки близ Керчи летом 1890 года // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. С. 20–23. Подробнее см.: Латышев В. В. Керченская христианская катакомба 491 года: Исследование Юлиана Кулаковского // ЖМНП. 1891. Ч. 278. № 12. Отд. 2. С. 393–405).

⁷ См.: Полонский Я. П. Вечерний звон. СПб., 1890. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. В письме к Фету от 13 ноября 1890 г. Полонский писал, имея в виду сборник своих стихов: «Послал я одну книжку к Кулаковскому, в Киевский университет; но — от него ни ответа ни привета. — Уж не бросил ли он Киев, женившись в Вильне?» (Фет/Полонский. С. 849). Кулаковский посетил Полонского 11 января 1891 г., о чем последний упомянул в письме к Фету от 16 января 1891 г.: «Между гостями совершенно неожиданно появился и Кулаковский. (Он поехал в Вильну за женой — и вернется в Киев другой дорогой. — Примеч. Полонского)» (Там же. С. 875). Кулаковский неоднократно был гостем Полонского на Знаменской. Так, 27 декабря 1889 г. Полонский писал Фету о гостях на своих именинах: «Было у меня народу около 130-ти человек и между ними наш общий знакомый Ку-

лаковский. Ты себе представить не можешь, как я искренно обрадовался такому неожиданному дорогому гостю!» (Там же. С. 780). 22 апреля 1890 г. Кулаковский писал Полонскому: «...часто вспоминаю я Ваш милый Петербург, чувствуя к нему Sehnsucht (страстное желание, тоску — нем.). <...> Мне было ужасно жаль, что не удалось побывать еще раз на Ваших пятницах» (ИРЛИ. № 12180. Л. 5 об.).

⁸ Скорее всего, речь идет о поздравлении с бракосочетанием, посланном Фетом и Марией Петровной Кулаковскому в письме от 14 декабря 1890 г. (неизв.) или в другом письме, посланном, возможно, в конце сентября (неизв.), сразу по получении ими разосланного однотипного приглашения: «Николай Иванович и Анна Семеновна Рубцовы покорнейше просят сделать им честь пожаловать на бракосочетание дочери их Любви Николаевны с профессором Университета св. Владимира Юлианом Андреевичем Кулаковским 1 октября сего года в 2 часа дня в церковь Первой Виленской мужской гимназии, а оттуда к ним в дом. Вильна, 1890 г.» (цит. по: Пучков. С. 454). Такое же приглашение было получено и Полонским, который писал 13 ноября 1890 г. Фету: «Из Вильны, от 1-го октября, я получил от его будущей тещи почетный пригласительный билет на свадьбу. — Из этого приглашения я заключаю, что он женился на русской, так как фамилия его невесты „Рубуева“» (Фет/Полонский. С. 849; попутно отметим неверное прочтение публикаторами здесь девичьей фамилии жены Кулаковского).

⁹ Кулаковская Любовь Николаевна (урожд. Рубцова; ум. 1914; похоронена в Вильно, ныне Вильнюс) — дочь управляющего канцелярией Варшавского генерал-губернатора, тайного советника Николая Ивановича Рубцова.

16

26 января 1891 г. Киев

26 января 91.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Извините, что так поздно, но позвольте хоть теперь поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо от 21 декабря и сопровождавший его подарок в виде нового выпуска Ваших «Вечерних огней» и Плавтова «Горшка».¹ Получил я то и другое на второй день праздника в Вильне. Не отвечал я тотчас же, потому что хотел и надеялся немедленно раздобыть перевод «Горшка», помещенный в «Журнале министерства <народного> просвещения», о котором необходимо было упомянуть, разбирая Ваш превосходный перевод.² Латинский текст «Aululagia» захватил я нарочно с собою отсюда и немедленно сличил перевод с оригиналом. В Вильне, где я пробыл до 2 января, не удалось мне достать нужного номера «Журнала <министерства народного> просвещения», пришлось

отложить сличение переводов до Петербурга, где я и убедился, что только поэтам дала Муза — *ingenium*^а и *ore rotundo loqui*^б (как сказал Гораций о греках).³ Но в Петербурге мне не удалось присесть за написание моей рецензии.

По возвращении сюда я первым делом принялся за этот свой долг и сегодня отослал ее заказной бандеролью на имя Цертелева в «Русское обозрение».⁴ Мне не хочется иметь дело с Бергом, жидом, который твердит на всех углах одно, что он «единственный консервативный орган».⁵ Я не получал от Цертелева приглашения участвовать в его журнале, но хочу надеяться, что в нем найдется место для этой заметки. Она может занять страниц десять или около того, и писал я ее с большим удовольствием, любясь и Плавтом, и его переводчиком. Смею думать, что Вы будете довольны моим отзывом,⁶ и пишу это письмо немедленно по возвращении с почты, где я сдал свою статью. От всей души желаю, чтобы удача «*Aululari*’и» привлекла Вас к Плавту и Вы бы нам подарили «*Menaechmi*», «*Trinummus*», «*Miles Gloriosus*», «*Mostellaria*»⁷ или любую другую из его пьес.

Низко кланяюсь Вам и Марии Петровне от себя и жены,⁸ которая искренно благодарит Вас за Ваши ласковые слова к ней в Вашем письме, и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: Москва.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 26 янв<аря> 1891, Киев; 2) <28> января 1891, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 13–14 об., конверт — л. VI.

¹ Речь идет о книгах, вышедших в декабре 1890 г.: Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891; Тита Макция Плавта Горшок. *Aulularia*. Перевод А. Фета. М., 1891.

^а гений (лат.).

^б полнозвучное слово дала (лат.).

² См.: Кубышка (*Aulularia*). Комедия Т. М. Плавта / Пер. <М. П. Петровского> // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 75–151 (отд. паг.); подп.: М. П.—ский. Отд. отт.: СПб., 1888; подп.: М. Петровский. Подробнее см. во вступит. статье.

³ См.: «*De arte poetica*» Горация: «*Graius ingenium, Graius dedit ore rotundo / Musa loqui...*» («Грекам Муза дала гений и полнозвучное слово...» — *лат.*; *Epist.* II, 2, 323–324). Кулаковский цитирует здесь заключительные строчки из своей рецензии на фетовский перевод «*Aulularia*» (см.: *Кулаковский. Aulularia*. С. 928).

⁴ «*Русское обозрение*» — литературно-политический и научный журнал, издававшийся в Москве (1890–1898). Князь *Цертелев Дмитрий Николаевич* (1852–1911) — знакомый и корреспондент Фета; поэт, издатель «*Русского обозрения*» (1890–1892), в котором публиковались «*Мои воспоминания*» Фета и ряд его стихотворений; автор статьи «*Фет как человек и как художник*» (*РВ*. 1899. № 3).

⁵ *Берг Федор Николаевич* (1839–1909) — журналист, прозаик, поэт, переводчик. В конце 1887 г. (после смерти М. Н. Каткова) арендовал у наследников «*Русский вестник*» и перевел издание в Петербург (1888–1896). В письме к Ф. Е. Коршу от 21 ноября 1890 г. Фет писал: «...за исключением „Русского обозрения“, у меня нет насущной точки соприкосновения с нашей литературой, и, признаюсь, я об этом не очень жалею. Все анархические журналы ненавидят меня за оппозицию их направлению, а с Бергом „Русского вестника“ я разошелся за его неотесанность. Остается Цертелев <...>» (*Письма к Коршу*. С. 224). Конфликт с Бергом возник в ноябре 1889 г., когда тот опубликовал очередную главу «*Моих воспоминаний*», выпустив без ведома Фета значительную часть текста (см.: *Фет/Полонский*. С. 792).

⁶ Отзыв Фета на рецензию Кулаковского неизвестен.

⁷ Комедии Плавта «*Menaechmi*» (в разных переводах: «*Два Менехма*», «*Близнецы*», «*Путаница*»), «*Trinummus*» («*Три гроша*», «*Трехгрошовый день*»), «*Miles Gloriosus*» («*Хвастливый воин*», «*Хвастливый солдат*», «*Пустозвон*»), «*Mostellaria*» («*Домовой*»). В 1880-х — 1890-х гг. комедии Плавта интенсивно переводились такими переводчиками, как И. И. Холодняк, М. П. Петровский, С. И. Эйгес, В. А. Алексеев, Н. П. Котелов, А. И. Кронеберг и др. Неизвестно, планировал ли Фет перевести другие комедии Плавта.

⁸ См. п. 15, примеч. 8.

17

15 октября 1892 г. Киев

15 окт. 92. Киев.

Многоуважаемый и дорогой
Афанасий Афанасьевич!

Ваше письмо от 9 октября и обрадовало, и пристыдило меня. Сам я ведь так давно не откликнулся к Вам. Но могу сказать, что часто вспоминал про Вас и спрашивал, если случалось встречаться с знакомыми

Вам людьми. Последним таким был Говоруха-Отрок,¹ которого я встретил у Прахова, моего коллеги,² в июле месяце. От него я слышал, что Вы благоденствуете в Вашей милой Воробьевке, где гостил у Вас и Говоруха, как он рассказывал. Слышал от него, что у Вас побывали летом Страхов и Влад<имир> Серг<еевич>.³ Сам я провел это лето в большой тревоге, заботах и хлопотах, лишь отчасти предвиденных, а также и под анафемой со стороны здешней Духовной академии, которая признала во мне «врага христианства» за мою речь, экземпляр которой я посылал Вам зимой.⁴ Нападение было грубо выше меры, страшно протяженно и сделано с непонятным мне озлоблением.

Теперь, напечатав свой ответ,⁵ стараюсь забыть об этом крайне все-таки неприятном инциденте. Предвиденная часть забот и хлопот относилась к ожидавшемуся прибавлению моего семейства, первому притом. Событие произошло благополучно в начале июля в Вильне, и теперь часто покрикивает через две комнаты от этого кабинета мой трехмесячный младенец, Сергей,⁶ и делает это часто весьма не ко времени и с большой настойчивостью, чем и заставляет свою мать предполагать в нем разные болезни или подозревать проступки со стороны кормилицы. С окончательным водворением дома 20 сентября и немедленно последовавшим затем началом учебного времени жизнь моя вошла в свое обычное русло и мирно течет в нем, заставляя забывать, или правильнее сказать, приводя к забвению о разных тревогах лета и неудачах, меня постигавших за это время.

От души желаю Вам поскорее оправиться от Вашей болезни и с терпением буду ждать овидиевых «Скорбей».⁷ Низко кланяюсь Марье Петровне и остаюсь сердечно Вам преданный

Юлиан Кулаковский.

На конверте:

Москва.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющина,
собств<енный> дом.

Почтовые штемпели: 1) 16 окт<ября> 1892, Киев; 2) 18.X.1892, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 15–16 об., конверт — л. VII.

¹ Говоруха (Говорухо)-Отрок Юрий Николаевич (псевд.: Ю. Николаев; 1850–1896) — критик, публицист, сотрудник «Московских ведомостей», знакомый Фета,

автор статей о нем. См., например: *Николаев Ю.* 1) Несколько замечаний о Тургеневе и Толстом: По поводу книги А. А. Фета *Мои воспоминания*. Два тома. М., 1890 // *МВед.* 1890. 13 октября. № 283. С. 3–4; 2) Литературные заметки: Поэзия Фета // Там же. 1892. 26 ноября. № 328. С. 3–4 (здесь Говоруха пишет: «Нынешний год летом я прожил несколько дней в Воробьевке» — С. 3). Фет познакомился с ним зимой 1889/1890 г.: «В настоящее время, — писал Фет К. Р. 10 января 1892 г., — это самый убежденный приверженец самодержавия и православия и, прибавлю, еще самый чуткий и глубокомысленный критик» (*Фет/К. Р. С.* 941).

² *Прахов Адриан Викторович* (1846–1916) — профессор, историк искусств, археолог, реставратор; преподавал греческую пластику в Московском университете в студенческие годы Кулаковского (см.: *Пучков. С.* 29); знакомый Страхова. В 1880-е гг. жил в Киеве. Страхов в письме к Фету от 26 июля 1892 г. писал из Киева: «А Прахов, здешний профессор искусства и главный реставратор, уговорил меня не ограничиваться Киевом. Мы вместе с ним поехали в Чернигов <...>. С удивительной энергиею Прахов принялся за работу и открыл в пяти местах фрески, да сверх того место гробницы неизвестного Великого Князя. <...> Когда мы вернулись, оказалось, что уже заезжал ко мне Говоруха» (см.: *Фет/Страхов. С.* 540; см. также: *С.* 439–440).

³ 6 июля 1892 г. Страхов несколько дней находился в Воробьевке (см.: *Фет/Страхов. С.* 539); видимо, также в июле гостил в Воробьевке и Говоруха-Отрок. Вл. Соловьев был в Воробьевке с 20 по 26 мая 1892 г. (см.: *Фет/Толстая. С.* 228, 229); что касается лета, то в письме к Фету, вероятно, от середины июля 1892 г. Соловьев пишет: «На крыльях души ежедневно летаю в Воробьевку; надеюсь, почти уверен, что приеду <...> но боюсь, что к 22 <июля> не поспею. <...> Если не 22, то в августе очень хочу и надеюсь быть у Вас. Целую ручки Марии Петровне. Клянюсь сердечно Катерине Владимировне и Юрию Николаевичу, если он еще у Вас» (*Соловьев. Письма. Т. 4. С.* 228–229). 25 июля 1892 г. Фет писал Полонскому: «...у нас был Соловьев. Но после него у нас перебивали Страхов и Говоруха <...>» (*Фет/Полонский. С.* 977).

⁴ 8 декабря 1891 г. в пользу пострадавших от неурожая Кулаковский прочитал в университете публичную лекцию, за которую сразу же получил прозвище «новый Юлиан Отступник», под названием «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков» (*Университетские известия. 1891. № 12. С.* 1–31; отд. оттиск: Киев, 1892). Ученый, используя многочисленные примеры, доказывал, что принцип религиозной нетерпимости был чужд римскому законодательству и установился лишь при христианских императорах Рима. Выступление вызвало бурную реакцию киевского духовенства. С обличительной анонимной статьей выступил профессор Духовной академии М. Г. Ковальницкий, обвинявший Кулаковского в предвзятости, незнании, отсутствии «верного курса» и пр. (см.: *Труды Киевской Духовной академии. 1892. Т. 2. № 5, 6*). Местонахождение экземпляра опубликованной лекции (скорее всего, оттиск), подаренного Фету, неизвестно.

⁵ В своем ответе «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков: Ответ на „Несколько замечаний“, помещенных в „Трудах Киевской Духовной академии“» (*Университетские известия. 1892. № 7. С.* 1–58; отд. отт.: Киев, 1892) Кулаковский, по мнению исследователя, «выказал себя не только специалистом, исчерпывающе владеющим предметом, но и блестящим, остроумным полемистом» (*Пучков. С.* 124; подробнее см.: *С.* 122–123).

⁶ Речь идет о старшем сыне Кулаковского Сергее Юлиановиче (1892, Киев — 1949, Лодзь), впоследствии известном критике и литературоведе, приятеле Андрея Белого; вскоре у ученого родился второй сын Арсений Юлианович (1893, Киев — 1930-е, Киев). Подробнее о трагической судьбе сыновей ученого после 1917 г. см.: Пучков. С. 89–91.

⁷ В это время Фет работал над переводом «Печальных элегий» Овидия, которые будут опубликованы уже после его смерти. «Теперь по 5 строчек ташу Tristia (Скорби)», — писал Фет Ф. Е. Коршу 21 ноября 1890 г. (см.: *Письма к Коршу*. С. 225); см. также: Скорби Овидия (Tristia). Перевод А. Фета. М., 1893 (ценз. разрешение: 14 апреля 1893 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Ю. А. Кулаковский — М. П. Шеншиной

25 ноября 1892 г. Киев

Многоуважаемая Мария Петровна!

С глубокой сердечной болью прочел я в газетах весть о кончине дорогого Афанасия Афанасьевича¹. Не стало славного русского поэта и неутомимого друга классического мира! До конца своих дней остался он верен своему призванию и этой дружбе, и в том письме ко мне,² которому суждено было остаться последним для меня его откликом, говорил он о своей работе над «Скорбями» Овидия.³ Хотелось бы надеяться, что почивший имел утешение довести до конца этот свой последний труд, которому он отдавался среди одолевавших его, как он мне писал, болезней. Не чаял я тогда, что болезни эти были уже предварением конца его деятельной, непрерывно напряженной жизни. А теперь — всем его знавшим и любившим остается лишь склониться с благоговением пред свежей могилой доброго человека, оставившего нас навсегда. Мир его праху!

В сердечном сочувствии Вашему горю позволяю я себе издали присоединиться к тому множеству почитателей и друзей покойного, которые там, в Москве, могут лично выразить Вам свое сочувствие и сострадание.⁴

Крепко целую Ваши руки и остаюсь сердечно преданный Вам Юлиан Кулаковский.

25 ноября 92. Киев.

На конверте: Москва.
Ее Превосходительству
Марии Петровне
Шеншиной.
Плющиха,
собств<енный> дом.

Почтовые штемпели: 1) 27 нояб<ря> 1892, Киев; 2) 29.XI.1892, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 8. № 52. Л. 1–2, конверт — л. 3.

¹ См.: *МВед.* 1892. 22 ноября. № 324. С. 1; 23 ноября. № 325. С. 1 (траурные объявления); см. также: *Языков Дим.* А. А. Шеншин-Фет (Некролог); *В. С.* Памяти А. А. Шеншина // *МВед.* 1892. 22 ноября. № 324. С. 2.

² Местонахождение последнего письма Фета к Кулаковскому от 9 октября 1892 г. неизвестно.

³ См. п. 17, примеч. 7.

⁴ 23 ноября на панихиде присутствовали: гр. П. А. Капнист, гр. А. В. Олсуфьев, проф. Н. Я. Грот, сотрудники «Московских ведомостей»; 24 ноября на отпевании в Университетской церкви присутствовали: гр. Олсуфьев, Н. Я. Грот (с делегацией от Психологического общества), генерал-лейтенант А. А. Козлов, управляющий канцелярией Московского генерал-губернатора В. К. Истомин, проф. Н. С. Тихонравов (с делегацией от Общества любителей российской словесности), профессора Московского университета Г. А. Иванов, Н. И. Стороженко, В. Ф. Миллер, датский королевский вице-консул Ф. Эдстрем, «масса студентов и почитателей таланта покойного, многие из дам высшего общества». Гроб из храма вынесли на руках гр. Олсуфьев, П. П. Боткин, В. Н. Семенович и др. (см.: *МВед.* 1892. 24 ноября. № 326. С. 3; 25 ноября. № 327. С. 3–4). См. также: *Садовской Б. А.* Кончина А. А. Фета (21 ноября 1892 г.) (По неизданным источникам) // *ИВ.* 1915. Т. 140. № 4. С. 147–156.

«Московские ведомости» поместили письмо М. П. Шеншиной: «Мы получили следующее письмо: „Мария Петровна Шеншина, не будучи в состоянии лично выразить своей глубокой благодарности всем друзьям и почитателям таланта покойного мужа своего, Афанасия Афанасьевича, принявшим такое сердечное участие в ее горе, просит редакции газет напечатать настоящее заявление, присовокупляя, что все сделанное для нее и памяти дорогого покойника глубоко залегло на ее сердце“» (*МВед.* 1892. 25 ноября. № 327. С. 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

К ЮБИЛЕЮ А. А. ФЕТА

29-го января празднуется в Москве пятидесятилетний юбилей литературной деятельности Афанасия Афанасиевича Шеншина,¹ известного всей России под псевдонимом Фета. Свой поэтический талант раскрывал нам маститый ныне Афанасий Афанасьевич в двух областях, которые он резко и определенно сам разграничил. Он — поэт и переводчик поэтов. Как поэт — он представитель чистой лирики, по принципу отрешившись от всякой тенденции, от всякой злобы дня, служитель чистого искусства. Его оригинальные лирические творения знакомы всякому русскому человеку, многие из них вошли во все хрестоматии и стали нашим общим достоянием еще со школьной скамьи. Не столь многим знакома другая сторона литературной деятельности А. А. Фета — его переводы, и в частности те, которые стоили ему наибольшего труда и составляли в последние годы как бы исполнение добровольно взятой на себя обязанности, а именно — переводы римских поэтов. Свое глубокое знакомство с поэтической литературой чужих народов г. Фет проявлял не в виде подражаний и переделок, как делали многие другие. В своей лирике он совершенно самостоятелен, чужд всякого подражания и заимствований. Свою любовь к великим творениям чужого слова и свое к ним уважение выражал он своими переводами. Так, ему принадлежит полный перевод «Фауста», изданный в 82 и 83 гг. Можно надеяться, что в настоящее время перевод этот получит всеобщую известность, благодаря роскошному иллюстрированному изданию, предпринятому г. Марксом.²

Свою деятельность переводчика по отношению к римской словесности начал г. Фет еще на университетской скамье. Тогда еще полюбил он Горация и стал облекать в русские стихи его оды. Лишь много лет спустя закончил он перевод од Горация и издал его в свет в 1856 г.³ Вероятно, уже тогда сознал он за собой как бы обязанность перевести все творения своего любимца между римскими поэтами. Исполнил он ее почти тридцать лет спустя, в 1883 году.⁴ С этих пор начинается усиленная переводческая деятельность г. Фета; с возрастающей энергией выпускал он в свет один за другим томы своих переводов латинских поэтов. Издания эти выходили в таком порядке: *Сатиры Ювенала* 1885,

*Стихотворения Катулла 1886, Элегии Тибулла 1886, Публия Овидия Назона XV книг Превращений 1887, Энеида Вергилия, части 1-я и 2-я 1888, Элегии Секста Проперция 1888.*⁵ Последний в этом ряду, Проперций, не останется последним. Нам известно, что у г. Фета уже готов перевод сатир Персия и одной комедии Плавта, а также и то, что в самое последнее время он принялся за Марциала.⁶

Приведенный выше длинный список переводов римских поэтов, вышедших в свет, благодаря г. Фету, в уборе русского стиха в такой сравнительно краткий период времени, свидетельствует, что почтенный Афанасий Афанасиевич превратил свое отношение любителя античной поэзии в другое, что он сделал перевод римских поэтов своей специальностью. Русские филологи должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче — сблизить русское просвещение и русскую образованность с античным миром. В день, когда представители русского слова и многочисленные личные друзья его и почитатели приносят юбиляру свои поздравления, считаем и мы уместным отозваться из нашего лагеря филологов о той стороне его литературной деятельности, которая близка нам, чтобы тем почтить много потрудившегося и неустанно трудящегося переводчика римских поэтов. Мы далеки от желания представлять здесь критику переводов г. Фета или подробный их разбор; мы бы желали только отметить здесь ту общую точку зрения, с какой следует ценить его заслуги в этой части его трудов на пользу нашей отечественной словесности.

Начнем с указания на те трудности, какие предстают перед переводчиком творений изящной литературы чужого языка. Кроме общего знания языка, которое сводится к пониманию слов и грамматической конструкции данной фразы, необходимо понять и почувствовать стиль данного писателя, его литературную индивидуальность. В переводе поэтов дело усложняется тем, что лексикон поэтического языка у каждого народа есть нечто условное. Необходимые элементы этого языка, как эпитеты, метафоры, сравнения и т. д. — *свои* в каждом языке. Поэзия древних имеет, кроме того, еще и свои отличные от наших весьма разнообразные размеры. Адекватный перевод древнего поэта, т. е. такой, который бы передавал подлинник *целиком* и производил бы то же самое впечатление, есть только идеал, к которому нужно стремиться. Адекватно перевести можно, пожалуй, афоризмы, изречения, но не цельное произведение. По отношению к прозаику задача эта несколько легче. При большом внимании к делу, после продолжительного изучения и приобретения привычки чувствовать стиль данного писателя, при условии мастерского владения родным языком, переводчик может достигнуть искусства

Бр. IV XLVIII. 12.
бр. 222/3

Вашему Ученейшему
Васильевскому
от издателя издательству
ИРЛИ

Къ юбилею А. А. Фета.

Юлианъ Кулаковскій.

КІЕВЪ.

Высочайше утвержденное Товарищество печатного дѣла и торговли И. Н. Кушнеръ и К^о. въ Москвѣ.
Кіевское Отдѣленіе, Елизаветинская ул., домъ Михальсона.

1889

Отдельный оттиск статьи Ю. А. Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» (Киев, 1889).
Титульный лист с дарственной надписью В. Г. Васильевскому (ИРЛИ)

сохранять в передаче на свой язык стиль и колорит даже таких своеобразных писателей, каковы, например, Фукидид или Тацит.⁷ По отношению к поэтам и особенно лирикам дело это гораздо труднее. Трудность обуславливается, прежде всего, тем признаком, который составляет внешнее отличие прозы от поэзии, разумеем — метр.

По своей природе все метры основаны на одном принципе: внесении в речь начала музыки, присутствию в ней ритма. Ритмическое течение речи достигалось у древних при помощи весьма многочисленных и различных размеров. Каждый размер имел свой колорит, и на этот счет существовали и действовали определенные теории. Отдельные формы метров были приурочены к отдельным видам поэзии. Так, гекзаметр был размером эпоса и притом так, что эпос был немислим в иной форме. Самое слово *ἔπος* употреблялось у греков в смысле — гекзаметр. Для элегии существовал так называемый элегический дистих, или пентаметр, как мы теперь его зовем обыкновенно. Злая насмешка и издевательство облекались у греков в форму ямба. Лирика имела со времени Алкея и Сапфо свои различные размеры, в основе которых лежали мелодии.⁸ Мелодии эти замерли в форме размеров, живая и непосредственная связь последних с музыкой прекратилась; но колорит и характер размеров были живой действительностью для древнего слуха. Тот или иной размер, даже не будучи уже определенной мелодией, имел для них свою определенную музыкальность. Не имея в нашем языке даже того элемента, на котором зиждется метр древних, т. е. долготы и краткости отдельных слогов, мы способны понимать лишь в очень отдаленной степени музыкальный характер отдельных размеров.

В немецкой литературе установилось понятие, что полный перевод поэта должен передавать и метр подлинника. Такие переводы по отношению ко многим греческим и римским поэтам или отдельным их произведениям появляются издавна в литературе Германии, а под ее влиянием стали появляться и у нас. Наиболее простой из греческих размеров, метр эпоса, гекзаметр, получил с давних пор у немцев, как и у нас, право гражданства, хотя мы, как и немцы, передаем только ритм гексаметра, а не всю его природу, не ту смену долгих и кратких слогов, с какой он является у древних.⁹ После долгих опытов гекзаметр привился у нас вполне, и наши поэты нередко пробуют сочинять в этом размере и оригинальные стихи.* Если возможен русский гекзаметр, то возможным ка-

* Наш уважаемый поэт г. Полонский¹⁰ читал нам недавно свое небольшое стихотворение в гексаметре, который вышел у него очень звучен. — *Примеч. Кулаковского.*

жется и элегический дистих, в котором вслед за полным гекзаметром идет гекзаметр дважды усеченный: в середине и конце, т. е. такая схема —

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —

причем, конечно, как и в гекзаметре, трехсложная стопа дактиля может заменяться двухсложной, спондеем у древних, трохеем (или хореем) у нас. Но у немцев постоянно делаются попытки передавать не только эти, но и все вообще древние размеры в переводах поэтов. Часто попытки бывают весьма удачны. Они-то и поддерживают представление о возможности и целесообразности такого способа перевода произведений древней словесности на новые языки, и по примеру немцев часто и у нас появляются на страницах разных журналов переводы отдельных од Горация (других произведений мы не встречали) с соблюдением размера подлинника.¹¹ Мы думаем, что тут есть преувеличение в стремлении достигнуть полноты передачи латинского текста на родной язык, преувеличение, которое обращением на внешнее приводит к забвению о сущности перевода и его идеале. Чтобы подкрепить свое утверждение ссылкой на суждение авторитета в вопросах метрики, приведем здесь замечание профессора Корша. Он имел случай высказаться об этом в своей рецензии на перевод стихотворений Катулла, сделанный Вестфалем, которая помещена в одном немецком критическом журнале. «Передача этих метров (т. е. различных лирических размеров) на немецком или другом каком языке в лучшем случае позволяет заметить только число и размещение ритмических акцентов, но не их относительную силу (что, впрочем, могло бы до известной степени быть достигнуто соответствующей расстановкой дважды ударяемых слов), и оставляет, как то понятно, по большей части совершенно не отмеченной продолжительность стоп. Таким образом, пред нами выступает в немецком или ином каком тоническом подражании стихам сапфическим, алкейским, гликонейским и т. под., только *схема* каждого ритма, а не самый *ритм*, т. е. нечто, что отпугивает своим ὄρθρον^а того, кому неизвестен этот ритм... К гекзаметру, пентаметру и тому подобным стихам из однородных стоп относится это менее, так как в них ясно и определенно выступает ритм, хоть и то сказать — не всегда тот, какой имеется в виду, и все же ямбические триметры производят на непривычное ухо странное впечатление». Г-н Корш указывает в дальнейшем, между прочим, на переводы греческих поэтов Брандеса. Отметив их не всегда полное соответствие подлиннику, он дает, однако, такую характеристику

^а несогласованностью, отсутствием ритмичности (*греч.*).

этих переводов: «Зародыш, который для простого наблюдателя был закрыт и безжизнен, развертывается в них в цветок, который позволяет новому читателю наслаждаться тем же благоуханием, какое он дарил древнему».*¹²

Мы вполне разделяем мысли нашего уважаемого знатока в области метрики. Мы также думаем, что не тот переводчик достигнет полной точности в передаче поэта, который уложит слова, соответствующие словам подлинника, в метрическую схему этого последнего; ее достигнет тот, кто поэтически и целиком поняв свой оригинал и отчетливо чувствуя самый ἦθος^б данного размера, передает оригинал на своем языке, пользуясь всеми соответствующими средствами своего поэтического языка. Таков идеал переводчика поэтов.

Наш маститый поэт, не уясняя теоретически этих понятий, дал нам в своем переводе од Горация не одну мастерскую передачу полета поэтической мысли древнего поэта. Но мы с грустью должны заметить, что на этой высоте понимания своей задачи он не остается в своих позднейших переводах. Для перевода в смысле указанного выше идеала нужно вдохновение. Но раз г. Фет ставил себе задачей перевести того или другого поэта целиком и делал это с такой поражающей быстротой, раз он превратил свое отношение любителя в другое — переводчика-специалиста; то тем самым он лишил возможности себя — давать, а нас ждать от него переводов, подобных тем, какие зачастую встречаются среди его од Горация.¹³ Все более и более укреплявшаяся опытность в передаче латинских стихов делала, конечно, для него взятую им на себя задачу легче и удобоисполнимее; но одной опытности мало: тут нужен *otium*^в и соответствующее настроение, а наш переводчик сам себя лишал первого и не ожидал, по-видимому, второго.

Перевод од Горация остается, по нашему мнению, лучшим, что подарил нам г. Фет в своей деятельности переводчика. Он понял, что для передачи Горация ему вовсе не нужны древние размеры. Он их удерживал там, где они просты и — *mutatis mutandis*^г — наши собственные.

Такова, например, мастерски им переведенная вторая эпода, написанная в ямбах.

Beatus ille qui procul negotiis...

* Göttingische gelehrte Anzeigen. 1886. № 16, p. 648. — *Примеч. Кулаковского.*

^б склад, характер (*греч.*).

^в *отдых, покой* (*лат.*).

^г изменив то, что надо изменить; с соответствующими изменениями (*лат.*).

Размер подлинника переводчик здесь обогатил тем условием ритмической речи, без которого у нас немислимо лирическое стихотворение, а именно: рифмой. При ее помощи прекрасно текут его ямбы в этой эподе.

Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол,
Как род людей первоначальный,
На собственных волах отцовский пашет дол,
Не зная алчности печальной.
Ни море злобное, ни труб воинских звон
Не возбуждают в нем тревоги...¹⁴

Ямб с рифмой великолепно служили г. Фету для передачи весьма разнообразных размеров подлинника. Укажем для примера на перевод последней в сборнике од пьесы (IV, 15), которая у Горация написана в алкейских строфах.

Уже я воспевать хотел коварный бой
И гибель городов, но лирный глас раздался,
И Феб вещал, чтоб я с Тирренскою волной
Под утлым парусом бороться не пускался.
Твой век, о Цезарь! вновь обилием плодов
Благословил труды оратаев счастливых;
Зевесу нашему вернул его орлов,
Сорвавши их со стен парфян самолюбивых,
И двери Януса Квирина затворил,
И обуздал и ввел в границы дух бесчинный,
Рукою мощною пороки устранил
И доблестию нас обрадовал старинной.
Она-то имени латинскому дала
Почет, взлелеяла великий дух народа,
И славу римскую она-то разнесла
От ложа Геспера до солнечного востока.
Коль будет Цезарь нас от бедствий охранять,
Ни граждан мятежи*¹⁵ не повредят покою,
Ни гнев, который рад всегда мечи ковать
И бедным городам опять грозить войною.
Ни тот, кто пьет Дунай в высоких берегах,
Не смеет нашего послушаться закона,
Ни гет, ни сер, ни перс, наш вероломный враг,
Ни тот, кто родился у вод далеких Дона.
А мы в рабочие и праздничные дни,

* Позволяем себе переставить эти два слова. — *Примеч. Кулаковского.*

Лиеш скромного присевши за дарами,
Средь наших жен, детей и нашей всей родни;
Как должно, помолясь сперва перед богами,
Всех наших праотцов, героев воспоем
Лидийской флейтою и в этой песне громко
Анхиза старого и Троию помянем,
Венеру и ее достойного потомка.¹⁶

Там, где г. Фет желал сохранить размер подлинника, как переведена, например, 8-я ода II книги, написанная в сапфических стихах, и где он в силу этого отказывается от рифмы, его перевод выходил гораздо слабее.

Если б¹⁷ хоть раз наказанье злое,
За измену клятве, Барина, знала;
Если б зуб один почернел иль только
Ноготь стал дурен —
Я бы верил. Но не успеешь клятвой
Отягчить главы ты своей преступной,
Как для всех красой ты блистаешь новой,
Юношей мука!¹⁸

В 10-й оде той же книги, написанной автором в том же размере, что и 8-я, переводчик сохранил только продолжительность стихов, как они определены этой строфой, и вместо хореического ритма, какой имеет эта строфа, дал словам ямбическое течение. Приведем первую строфу для примера:

Лициний, проживешь верней, когда спесиво
Не станешь в даль пучин прокладывать следов,
Иль устрася бурь, держаться боязливо
Неверных берегов.¹⁹

Всякий, кто сравнит эту строфу с приведенной выше, где дано quasi-точное воспроизведение сапфического размера, отдаст предпочтение созданному г. Фетом приспособлению его к русскому языку.

С алкейской строфой переводчик поступал еще свободнее. Так, например, 4-ю оду III книги он перевел стихом в две ямбические диподии, устранив совершенно форму строф.²⁰ Следующую оду той же книги, написанную в том же размере, г. Фет перевел в ямбических двустопиях, по шести с половиною стоп в первом и по шести — во втором стихе:

Мы верили досель, что в небесах громами
Юпитер властвует; но богом может слыть
И Август, овладев британскими брегами,
Коль грозных персов он успеет покорить.²¹

Мы, с своей стороны, признаем совершенно правильным это свободное отношение переводчика к размерам древней лирики и полагаем, что самый тон стиха, зависящий от подбора слов и образов, при условии рифмы, восполняет для нас тонкие и разнообразные оттенки древних размеров с их различными, в значительной степени искусственными (даже для римлян) ритмами. Эти последние чужды нам, и русский слух не в состоянии уловить их красоты в применении к словам своего родного языка.

В своем переводе Горация г. Фет выступал как любитель античной поэзии. Он долго и с любовью работал над Горацием, и в частности — над его одами. Воспринимая в них прекрасное — как в полете поэтической мысли, образа и выражений, так и в форме, он как поэт способен был воспроизвести в своем переводе то *настроение*, которое дано в них. Он старался о точности понимания текста; но как любитель, а не специалист-филолог, часто погрешал против нее. Поэтические достоинства перевода, хотя, конечно, и не могут вполне покрыть этих погрешностей, искупают их, однако, в значительной мере. Много сделал после того г. Фет; но, оглядывая все позднейшие его переводы, мы должны сознаться, что считаем его первый перевод — самым лучшим. Наша Академия наук удостоила этот труд г. Фета Пушкинской премии в 1884 г.*²²

Начав как любитель, г. Фет не уяснил себе при переводе Горация, всех обязанностей переводчика и не воспользовался способами, которые позволяют с удобством выйти из затруднений, связанных с этими обязанностями. Работая над переводами Горация, он не позаботился о том, чтобы латинский текст, с которого он переводил, был наиболее исправным или был признан за таковой в настоящее время, и в предисловии не считал нужным указать на издания, бывшие у него под руками.²³ В своих позднейших переводах г. Фет стал в этом отношении менее уязвим, чем как то было с его переводами Горация.

Опасаясь повторить здесь общее место, позволим себе, однако, указать на трудности в понимании и даже восстановлении текстов древних писателей. По отношению ко всем им идет непрерывно со времени Возрождения непрестанная ученая работа филологов. В последовательном ряде изданий выражается наше постепенное усовершенствование не только в понимании произведений древней словесности, но и в самом

* Подробный разбор труда г. Фета был исполнен проф. Помяловским, который стих за стихом проверил перевод и указал в нем весьма много неточностей и погрешностей. — *Примеч. Кулаковского.*

установлении их текстов. Достоинство работ предшественников не страдает оттого, что их преемники подвергают не только пересмотру, но и сомнению установленное ими, ставят вновь и вновь решают старые вопросы и не только там, где счастливый случай дает новый материал, но и там, где возможно это сделать лишь усовершенствованием критических приемов. Ученый, изучающий данного писателя, находится не в том к нему отношении, в каком стоит переводчик. Тогда как первый остается в сфере критики и экзегетики, второй должен представить текст в готовом, цельном, ясном виде. Если переводчик станет слишком много задумываться над текстом и хлопотать о том, чтобы совместить в себе филолога, то ему может грозить опасность не довести до конца своей задачи. Переводчик имеет полное право признать какой-либо данный текст за вполне исправный и соглашаться в понимании с каким-нибудь определенным ученым авторитетом. Обилие в настоящее время хороших комментированных изданий древних писателей облегчает дело. С их помощью, или даже и одного какого-либо из них, может переводчик уклоняться от обязанности филолога всесторонне оценивать и уразумевать текст древнего писателя.

В своих переводах, изданных в свет после Горация, г. Фет избирал обыкновенно лучшие из имеющихся в современной немецкой ученой литературе издания поэтов и тем самым слагал с себя ответственность касательно как формы текста, так и понимания отдельных спорных мест. После нападков, не во всем, впрочем, основательных, которым подвергся его перевод Ювенала,²⁴ г. Фет пришел к мысли пригласить сотрудника для своей работы. Но тут постигла его неудача в выборе. Г-н Нагуевский, хоть он и носит, увы, звание профессора, давно уже оценен по достоинству нашей ученой критикой. Перевод «Энеиды» Вергилия, на главном листе которого стоят слова: «со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского», — не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и пред плагиатом.²⁵ Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского. Этот последний имел над г. Фетом одно лишь преимущество: тогда как г. Фет пользовался при своем переводе одним немецким комментированным изданием (Ladewig), у г. Нагуевского было их под руками два (Ladewig и Kappes).²⁶ Но это преимущество далеко не уравновешивалось другим, которое было всецело на стороне г. Фета. Разумеется то, что г. Фет владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетель-

ство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык. В своем Проперции г. Фет обошелся уже своими силами, без помощи этого призрачного авторитета, и хотя язык Проперция представляет весьма немало трудностей для понимания, но перевод этого автора вышел у г. Фета вообще довольно точен и удачен.

Были у г. Фета в его деятельности переводчика сотрудники и другого рода: он привлекал своих друзей к непосредственному участию в самом переводе. Такими соучастниками были у Афанасия Афанасьевича В. С. Соловьев и граф А. В. Олсуфьев, автор строгой и даже придирчивой критики на его «Ювенала».²⁷ В сотрудничестве с первым Афанасий Афанасьевич издал «Энеиду», в которой г. Соловьеву принадлежат книги VII, IX и X, а со вторым — перевод «Метаморфоз» Овидия.²⁸ Привлечение к участию в своем труде В. С. Соловьева переводчик объяснил в «Предисловии» к «Энеиде» указанием на угрозу своей старости и физической немощи, его одолевавшей: он боялся, что ему не удастся довести до конца начатого труда.²⁹ Благодарение Богу, силы еще служат почтенному Афанасию Афанасьевичу, и после «Энеиды» он успел издать Проперция, а также приготовить к изданию сатиры Персия и одну комедию Плавта, о чем мы упоминали выше.

Не можем не сознаться, что мы не сочувствуем той поспешности в переводах, которую проявляет г. Фет. Мы вполне его понимаем и сочувствуем ему, когда он объясняет моральную причину, вызывающую его переводы, в таких словах: «С летами собственное вдохновение все реже и реже оказывает свои ласки, а потребность этих ласк не скудеет и вынуждает искать их у других. Более всего мы их находим у древних, этих величайших мастеров слова» (Предисловие к «Метаморфозам» Овидия, стр. XIX).³⁰ Но мы не можем признать и того, что, быстро переходя от одного поэта к другому, переводя их произведения целиком, словно по какой-то необходимости, наш почтенный юбиляр лишил сам себя возможности удержать свои переводы латинских поэтов на той высоте, на какую он бы мог их поставить, как свидетельствуют о том оды Горация, его первый труд в этом роде.³¹

Переводов г. Фета так много, что уже этим одним они составят эпоху в истории переводов на наш язык произведений классической словесности. Он перевел всех дошедших до нас поэтов так называемого золотого века (хоть и не все их произведения); им же переведен и наиболее оригинальный представитель серебряного века — Ювенал, а также и предшественник полного расцвета римской поэзии, лирик Катулл. Г-н Фет сам, по-видимому, думает, что он во всех своих переводах

стоял на одной и той же точке зрения относительно обязанностей переводчика и по мере своего умения повсюду выдержал свое представление касательно того, что такое точность в переводе поэта. Но мы должны сказать, что его переводы далеко не все равного достоинства. Хотя г. Фет сам лирик, но перевод наиболее искреннего римского лирика, Катулла, ему совершенно не удался. Его утверждение в «Предисловии» к Катуллу, что он хлопотал прежде всего о точности и не желал делать переложения, не допускал «вольного перевода», его шутки насчет «двуликой Гермы», которую представляют Катулл латинский и Катулл русский, нисколько не улучшают дела.³² Переводчик слишком просто понимает здесь точность перевода, которая ведь не в том только состоит, чтобы на месте стихов и слов одного языка стояли стихи из соответствующих слов другого. В своем Катулле он совершенно позабыл о том творческом процессе, которого должны были ему стоить его переводы од Горация. Это упрощенное понятие о точности выдерживает г. Фет и во всех дальнейших переводах. Но так как материал «Метаморфоз» Овидия и вергилиевой «Энеиды» далеко не так нежен, как творения прекрасного лирика Катулла, то эти переводы и вышли у него много лучше, нежели Катулл. Прибавить следует и то, что по мере увеличения числа переводов г. Фет все свободнее и свободнее овладевал латинским языком, так что ему давалось и более глубокое понимание текста, что содействовало достижению большей точности. — Но что касается до самой формы, до гекзаметра, то никак нельзя сказать, чтобы русский стих в этом размере достиг под пером г. Фета той красоты, свободы и изящества, какую он может иметь и какую имеет, например, у Жуковского. Конечно, слишком много тысяч их в переводах г. Фета, чтобы каждый мог пройти через внимательную оценку своего творца. Десятками, а быть может и сотнями можно считать у него кряду прекрасные и звучные стихи, слово в слово притом соответствующие стихам подлинника, чем особенно дорожит сам автор; но тем удивительнее, что между гекзаметрами г. Фета попадаются слишком часто стихи неправильные. В своем последнем переводе, элегиях Проперция, г. Фет, чтобы начать стих с ударения, как того требует дактиль, слишком часто начинает стих с односложного слова или слабой по значению частицы. Для примера укажем хотя бы на 5-ю элегию первой книги, где на 34 стиха этой пьесы 24 начинаются с односложных слов и частиц, причем четыре кряду стиха (15–18) начинаются с союза *и*.³³ Внешний, по-видимому, признак этот свидетельствует, однако, о необработанности этих гекзаметров.

Конечно, при той поспешности в издании переводов одного за другим латинского поэта, как то делает г. Фет, иначе и быть не могло. Но

эта поспешность есть личная воля переводчика, а не его обязанность. Если г. Фет желал создать себе такой огромный литературный памятник, и мы все искренно дивимся его обширным размерам, то нельзя при его созерцании не заметить и того, что хорошо отделаны в нем далеко не все части, и далеко не все они из лучшего мрамора. Но в то же время мы отдаем дань полного уважения изумительной энергии маститого юбиляра, и если его переводы открыли для многих, только по слуху знавших имена латинских поэтов, их образ, хотя бы подчас и в «двуликвой герме», и познакомили с содержанием их творчества, то это великая его заслуга. Многих и многих приблизил и приблизит он к пониманию классической древности и античного мира, пред которым он сам так искренно благоговей. А мы, филологи, признавая в почтенном Афанасии Афанасьевиче добровольца в нашем лагере, дивясь той неустанной энергии и рвению, с которыми он ратует за наше дело, должны принести ему дань нашей сердечной признательности и самого глубокого уважения. День его праздника пусть будет для нас *votorum nuncupatio*¹ за его благополучие.

¹ 28 и 29 января 1889 г. в Москве праздновался 50-летний юбилей творческой деятельности Фета (начальной датой поэт считал одобрение Н. В. Гоголем «тетрадки» его стихотворений в 1839 г.). О юбилее см. примеч. 2 к п. 10. Фет писал Полонскому 23 мая 1888 г.: «...основание к пятидесятилетнему поминанию моей музыки с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей, и несколько стихотворений из нее перешли в „Лирический пантеон“, напечатанный в сороковом году» (*Фет/Полонский*. С. 647; см. также: С. 648 — коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной).

² Речь идет об издании А. Ф. Маркса: Фауст. Трагедия Гёте. Перевод А. Фета. С рисунками Энгельберта Зейбертца. Ч. I, II. <2-е изд.>. СПб., 1889. Книга вышла осенью 1888 г. и сразу же вызвала восторженные отзывы в печати: «Книга отпечатана на 100 листах великолепной веленовой бумаги in folio; гравюры оттиснуты на листах с соблюдением в тонах средневекового характера; множество виньеток, мелких рисунков, заставок украшают текст. Вся эта художественная часть издания отличается строжайшим единством стиля, выдержанностью и благородством вкуса. Такою же обдуманною роскошью отличается и переплет книги. Он сделан из цельной кожи (шагрень), вытисненной рельефно медным штампом по оригинальному рисунку в старинном немецком стиле» (*СПбВед.* 1888. 28 ноября. № 329; цит. по: *Фет/К. Р.* С. 697; см. также илл.: *Фет/Страхов*. С. 470, 471). Первая часть фетов-

¹ торжественное обещание, принесение обетов (*лат.*). Существовал римский обряд, когда жрецы молились богам, чтобы те даровали императору здоровье, армия приносила торжественный обет подчинения императору. — *С. И.*

ского перевода «Фауста» была издана ранее в типографии А. Гатцука (М., 1882), вторая часть — также в типографии А. Гатцука в 1883 г.; 2-е изд., исправленное — в типографии А. И. Мамонтова (М., 1889).

³ См.: Оды К. Горация Флакка. В четырех книгах. Перевод с латинского А. Фета. СПб., 1856.

⁴ См.: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883.

⁵ Д. Юния Ювенала. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катуллы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибуллы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888; Часть вторая. VII–XII. М., 1888; Элегии Секста Проперция. В переводе и с объяснениями А. Фета. СПб., 1888 (впервые: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9).

⁶ Сатиры Персия. Перевод А. А. Фета. СПб., 1889; впервые: *ЖМНП*. 1889. Ч. 262. № 3. Отд. 4 С. 101–143; Тита Макция Плавта Горшок. *Aulularia*. Перевод А. Фета. М., 1891; М. В. Марциала Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891.

⁷ *Фукидид* (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — афинянин, выдающийся историк античности, писавший на аттическом диалекте; участник Пелопоннесской войны (431–404), описавший ее ход в своей «Истории». *Тацит Публий Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — римский историк, оратор, общественный деятель; автор сочинений: «Жизнеописание Юлия Агриколы», «Германия», «Диалог об ораторах», «История», «Анналы».

⁸ *Алкей* (VII в. до н. э. — после 585 г. до н. э.) — древнегреческий лирический поэт из Митилены на Лесбосе, друг и младший современник поэтессы *Сапфо* (ок. 612/630 г. до н. э. — 572/570 г. до н. э.), которой он посвящал любовные стихи. Вместе с Сапфо Алкей принадлежал к эолийской мелической школе — новому этапу развития древнегреческой поэзии; ими было положено начало новой системе стихосложения, имеющей народное происхождение — силлабо-метрической, основанной на силлабическом и метрическом принципах, среди которых — размеры, названные их именами: алкеева строфа и сапфическая строфа. В противоположность дорической хоровой лирике, монодическая (сольная) лирика эолийцев допускала либо однородные системы, либо строфы, состоящие из дистихов и тетрастихов. Римские поэты переняли и ввели в стихосложение и алкееву строфу (Гораций), и сапфическую (Гораций и Катулл). Характер легенды носит история любви Алкея к Сапфо, ставшая популярной темой в искусстве (см.: *Словарь античности* / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. С. 24, 508).

⁹ Теме происхождения гекзаметра, схеме его деления, форме, метрике, его связи с элементами народного словесного творчества эллинов посвящена специальная статья-рецензия Кулаковского, написанная незадолго до публикуемой статьи: *Кулаковский Ю.* Новые мысли в области греческой метрики // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 11. Отд. 2: Критика и библиография. С. 150–162.

¹⁰ С Я. П. Полонским Кулаковский познакомился в Воробьевке в июне 1888 г., был с ним в дружеских отношениях, часто бывал на его «пятницах» в Петербурге,

состоял в переписке (письма Кулаковского см.: *ИРЛИ*. № 12180; местонахождение писем Полонского неизвестно), дарил свои книги, среди которых, к примеру: *Кулаковский Ю.* 1) Поэма Люкреция «О природе» (актовая речь). Киев, 1887; 2) Философ Эпикур и вновь открытые его изречения. Киев, 1889; с дарственной надписью: «Якову Петровичу Полонскому в знак глубокого уважения от автора» (Библиотека ИРЛИ. Шифр: Бр. $\frac{69}{18}$). Возможно, речь идет о стихотворении Полонского, посвященном юбилею Фета «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета (1889 г. 28-го января)», которое не случайно было написано гекзаметром, размером фетовской «Энеиды», и отослано ему в Москву, вероятно, 11 января 1889 г. (см.: *Фет/Полонский*. С. 707). Не исключено, что список стихотворения был послан тогда же и Кулаковскому в Киев:

Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...
Капали слезы, — рыдала любовь и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел <...>

(*Полонский Я.* Стихотворения / Вступит. ст., подг. текста и примеч. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1954. С. 391 (Б-ка поэта. Большая сер.)).

В своих стихотворениях Полонский часто использовал размер русского гекзаметра. См., к примеру, знаменитое стихотворение «Саят-Нова» (1851): «Много песков поглощают моря, унося их волнами, / Но берега их сыпучими вечно покрыты песками...». Другое стихотворение Полонского «Кассандра» («То не ветер — вздох Авроры...», 1890), построенное преимущественно на основе четырехстопного хорей, вызвало восторженный отзыв Кулаковского — см. его письмо к поэту от 22 апреля 1890 г.: «...прекрасное произведение русской поэзии» (*ИРЛИ*. № 12180. Л. 4 об.).

¹¹ Из переводчиков Горация, предшественников Фета, следует назвать: М. А. Дмитриева, В. Е. Вердеревского, В. С. Филимонова, В. И. Водовозова, В. И. Орлова, И. П. Крешева, Вл. Мазюкевича, Н. И. Кроля, Н. Кельша, Ф. Н. Берга, П. И. Вейнберга, А. Н. Майкова, Н. Ф. Фоккова, Пл. Н. Краснова и др. Обзор главнейших переводов Горация до Фета приводит Помяловский в своем критическом разборе горацианских переводов поэта и приходит к заключению, что «труды его предшественников мало облегчили Фету задачу» (см.: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 // Сборник ОРЯС имп. Академии наук. 1884. Т. 36. № 4. С. 6–15). Многочисленные переводы од Горация активно публиковались на страницах отечественной периодики во второй половине XIX в. См., к примеру: *БдЧ*. 1854. Т. 124. № 3. Отд. 1. С. 209–210; *ОЗ*. 1858. № 3. Т. 118. С. 70–87 (М. А. Дмитриев); *Сын Отечества*. 1857. № 9. С. 201–202 (И. П. Крешев); 1858. № 12. С. 337 (И. П. Крешев); *ЖМНП*. 1859. Ч. 102. Отд. 2. С. 1–20 (В. И. Водовозов); 1873. № 12. Отд. 5 (Н. Ф. Фокков); 1886. Ч. 246. № 7. С. 44–45 (К. С.—ский <Пл. Краснов>) и др.

¹² *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог-античник, переводчик, профессор Московского университета, где читал историю античной словесности (с 1869 г.). Фет неоднократно пользовался его консультациями в своей работе над римскими переводами. Речь идет о рецензии Корша на перевод стихотворений Каталла, сделанный немецким филологом-классиком, теоретиком музыки, переводчиком *Рудольфом Вестфалем* (Westphal; 1826–1892), преподававшим в Катковском

лицее греческий язык и сравнительное языкознание (1875–1881). Вестфаль перевел (с научными комментариями) трактаты александрийского грамматика П в. Гестифиона, Аристоксена, Псевдо-Плутарха, Аристофана и Катуллы (см.: *Catulls Buch der Lieder*. Leipzig, 1884). Вестфалю принадлежит также исследование о Катулле (см.: *Catulls Gedichte im historicshen Zusammenhang übersetzt*. Breslau, 1867), на которое Корш ссылается в своей книге «Римская элегия и романтизм» (М., 1899. С. 9, 11). В письме к Л. Н. Толстому от 28 сентября 1876 г. Фет отмечал, что в Университете «кроме филолога Вестфалья», который «предложил давать специальные уроки Пете (Борисову. — С. И.), на филологическом факультете царствует тор<р>ичеллиева пустота. Заметьте, что Вестфаль профессор Лицея, а не Университета» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. 1859–1881 // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 47).

Брандес Георг (Brandes; 1842–1927) — датский литературный и театральный критик, автор работ о творчестве Пушкина, Толстого, Горького, Ибсена, Бьёрнсона, Шекспира. О каких переводах греческих поэтов, сделанных Брандесом, идет речь, установить не удалось.

¹³ Ср. с высказываниями Кулаковского в письмах к И. В. Помяловскому этого периода, приведенными во вступит. статье.

¹⁴ Эпод I-й книги, песнь 2: «Сельский Альфий» (К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883. С. 162–163. Далее: *Гораций*).

¹⁵ У Фета: «Ни мятежи граждан» (*Гораций*. С. 150).

¹⁶ IV-я книга, ода 15: «Похвала Августу» (Там же. С. 149–150).

¹⁷ Кулаковский, возможно, намеренно выпускает местоимение, полагая, вероятно, что без него стих становится благозвучнее. У Фета: «Если б ты хоть раз наказанье злое» (II-я книга, ода 8: «К Барине»).

¹⁸ *Гораций*. С. 59.

¹⁹ II-я книга, ода 10: «К Лицинию Мурене» (Там же. С. 61–62).

²⁰ Ср., например, ст. 1–4 из оды «К Каллиопе» (III, 4) (Там же. С. 84):

Сойди со флейтой неземной,
Царица Каллиопа, с неба,
И песню звонкую пропой,
Или сыграй на цитре Феба.

²¹ III-я книга, ода 5: «К Цезарю Августу» (Там же. С. 88–90).

²² В 1884 г. Академией наук Фету за полный перевод Горация была присуждена Пушкинская премия. Говоря о «весьма многих неточностях и погрешностях», указанных И. В. Помяловским, Кулаковский несколько преувеличивает их количество. Напомним, в своем отчете Помяловский отметил, что не усматривает «резких промахов в понимании подлинника» у переводчика, что «перевод его, в общем, может быть признан переводом верным», что у Фета, в соответствии с подлинником, присутствует такое же разнообразие метров и такое же «оригинальное сочетание стоп», придающих «особую прелесть» переводу; к несомненным достоинствам фетовских переводов Горация Помяловский отнес «редкую полноту и благозвучность» рифм, гладкость, естественность и удобопонятность речи; лишь весьма немногие места вызвали у рецензента замечания (см.: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 22, 54). См. также во вступит. статье.

²³ В своем критическом разборе фетовского Горация Помяловский, «из отрывочных ссылок и указаний» самого Фета восстановив издания, которыми тот пользовался, заключил: «Но если мы поставили переводчику в укор недостаточное знакомство с новейшими работами по критике Горациева текста, то, с другой стороны, должны заявить, что в доступных г. Фету изданиях он изучил его с большим вниманием и добросовестностью. Свидетельствует об этом отсутствие в его переводе значительных ошибок, которые происходили бы от неверного понимания подлинника» (см.: Там же. С. 17–19; см. также: *Фет. ССДП*. Т. 2. С. 562–563).

²⁴ Предваряя свои профессиональные замечания и уточнения к переводу Фета, А. В. Олсуфьев, вместе с тем, дал ему высочайшую оценку «драгоценного вклада» в классическую филологию, основным достоинством которого является верность подлиннику: «Г-ну Фету менее других можно опасаться внимательного сличения и сравнения с подлинником, строка за строкою; его перевод поразительно верен, и каждое почти слово подлинника передано с необычайной добросовестностью и точностью. Как ни трудно передавать латинский метр русскими стихами, у г. Фета стихи выходят столь же гармонически стройными и благозвучными, как и те произведения, в которых его дарование, свободно вращаясь в сфере собственной фантазии, не было оковано необходимостью применяться к выражению чужих мыслей и образов» (см.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886. С. 3–4).

²⁵ Здесь Кулаковский повторяет суждение, высказанное им в анонимной рецензии на первую часть «Энеиды» (см. об этом во вступит. статье, а также п. 5, примеч. 14; *Фет/Нагуевский*. С. 374–376).

²⁶ Речь идет об изданиях: *Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Kappes* (Leipzig: Teubner, 1887); 10-м изд.: *Vergil's Gedichte. Erklärt von Th. Ladewig*. Berlin, 1886. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (1-е изд.: *Vergil's Gedichte. Erklärt von Th. Ladewig*. Berlin, 1871. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII).

²⁷ См.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета // *ЖМНП*. 1886. № 2. Отд. классич. филол. С. 87–112; № 3. С. 113–160; № 5. С. 82–112; № 8. С. 80–98. Отд. изд.: СПб., 1886.

²⁸ См.: *Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV.* = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. Работа над «Метаморфозами» стала первым сотрудничеством Фета с гр. Олсуфьевым. В Предисловии к книге Фет пишет, что «с радостью» принял «любезное предложение» Олсуфьева «проверить настоящий перевод „Превращений“, совершенно готовый к печати», а также замечает, что граф «настоял на печатании книги с латинским оригиналом рядом». И далее добавляет, что Олсуфьев, «найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших», тем самым текст «приобретал самостоятельную цену в глазах знатоков»; из-за спешности работы «граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию», примечания же, «касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева» (С. XIX). Позже Олсуфьев просматривал «Элегии» Проперция, переведенные Фетом, и «Эпиграммы» Марциала.

Кроме Олсуфьева в проверке «Метаморфоз» (книги 12–14) принимал участие Вл. Соловьев (см.: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 228). В воспоминаниях Фет назы-

вает своим помощником также Ф. Е. Корша, «с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и половину Проперция» (МВ. Ч. 2. С. 393).

²⁹ В Предисловии к переводу «Энеиды» Фет писал: «...усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути <...>. В такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, — музы нежданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл. Серг. Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы переводили с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им» (*Энеида*. Ч. 1. С. VIII–IX). Летом 1887 г., проживая в Воробьевке с 16 апреля по 1 октября, Соловьев переводит с Фетом «Энеиду». В письме к брату Михаилу Соловьев писал летом 1887 г.: «Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день» (*Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 106). А уже 4 сентября он посылает Цертелеву для публикации в «Русском вестнике» свою часть — три песни «Энеиды» (VII, IX и X) и, сообщая брату Дмитрию, что Кулаковский читал его перевод и «остался чрезвычайно доволен», с гордостью добавляет: «Впрочем, *entre nous soit dit* (между нами будет сказано — *франц.*), — мои гекзаметры вообще благозвучнее и яснее Фетовых» (Там же. Т. 2. С. 253–254.). В «Русском вестнике» этот перевод Соловьева опубликован не был. Подробнее о сотрудничестве Соловьева и Фета в переводе «Энеиды» см.: *Фет/Нагуевский*. С. 370.

³⁰ Кулаковский дословно цитирует Фета (см.: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. С. XVIII–XIX).

³¹ Свои замечания Фету в поспешности его переводов Кулаковский (и не только он) высказывал, вероятно, и в личных беседах; в ответ на эти обвинения Фет писал в предисловии к «Энеиде», ссылаясь на свои «хронические недуги»: «„Да куда вы торопитесь?“ сколько раз приходилось нам слышать. — „Воспользоваться минутами до окончательной невозможности продолжить свой труд“ — было постоянным ответом нашим» (*Энеида*. Ч. 1. С. VIII).

³² См. вступит. статью, примеч. 42.

³³ Кулаковский ошибся: в 5-й элегии I-й книги Проперция («К Галлу, желавшему пригласить Цинтию») не 34, а 32 стиха, из них действительно 24 стиха начинаются с односложных слов. У Фета:

И холодная дрожь подымется с плачем печальным,
И черту проведет гнусную страх по лицу,
И для жалоб тебе ни единого слова не хватит,
И не будешь ты знать, где ты, несчастный, и что.

(ст. 15–18; см: Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888. С. 17).